

ЧАСЫ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Часы чужой жизни

«Автор»

2026

Светланова М.

Часы чужой жизни / М. Светланова — «Автор», 2026

В Лиоре врачи умеют передавать пациентам время здоровой жизни. Только заведующая экстренным отделением Мира Таль узнаёт настоящую цену чудесных операций: городской резерв давно пуст, а недостающие годы тайно забирают у медицинских работников. Расследовать кражу приходит Рен Ардо — астроном этики и бывший муж Миры. Он находит опасный прогноз об их отношениях и снова решает, что молчание может защитить любимого человека. Пока городские часы выходят из повиновения, Мира должна сохранить помощь пациентам, разрушить систему принуждения и определить предел собственной жертвы. Но можно ли построить справедливую медицину там, где конкретную жизнь всегда хочется спасти любой ценой? «Часы чужой жизни» — эмоциональный научно-фантастический роман о согласии, профессиональной ответственности и доверии, которое нельзя получить в обмен на самопожертвование.

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Пациент без следующего часа	6
Глава 2. Башня точного времени	12
Глава 3. Цена, которой нет в карте	19
Глава 4. Бывший муж в операционной	28
Глава 5. Лада считает седые волосы	35
Глава 6. Городской резерв	41
Глава 7. Право врача на предел	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мара Светланова

Часы чужой жизни

От автора

Мы привыкли говорить о времени как о личном богатстве: его можно тратить, экономить, дарить близким. Но что произойдёт, если эта метафора станет медицинской технологией, а доброта — строкой обязательного расхода?

«Часы чужой жизни» — роман не о том, следует ли помогать другому. Он о цене помощи, которую слишком легко скрыть от получателя и навязать тому, кто умеет спасать. В центре истории — врач, привыкшая считать собственную жизнь рабочим материалом, и люди, которым предстоит отделить заботу от права распоряжаться чужим будущим.

Это фантастический мир, а не описание реальной медицины. Его часы, диагнозы и события переноса времени подчиняются правилам романа. Человеческие вопросы внутри него вполне узнаваемы: где проходит граница профессионального долга, может ли согласие быть добровольным при неравенстве сил и как любить человека, не решая за него.

Лучше всего читать эту книгу как историю выбора без идеальных вариантов. Здесь надежда рождается не из обещания вечности, а из честно названной цены каждого подаренного часа.

Глава 1. Пациент без следующего часа

Когда у девочки остановилась секундная стрелка, до полудня оставалось сорок три минуты.

Мира Таль увидела это ещё прежде, чем каталка вошла в приёмный круг. За матовым стеклом дверей мелькнули жёлтые рукава городской скорой, затем ладонь фельдшера, прижатая к прозрачному футляру на детской груди. В футляре лежали часы величиной с монету. Минутная стрелка дрожала между делениями, а тонкая синяя секундная не двигалась.

— Девять лет, падение с галереи, — сказал фельдшер, едва двери разошлись. — В сознании была до второго тоннеля. Левое лёгкое не отвечает. Запас восстановления при поступлении — один час двенадцать минут. Сейчас прибор показывает...

— Я вижу.

Мира подхватила каталку за правую скобу. Девочку звали Ная Сорн — имя было написано на бумажной ленте, потому что электронные браслеты рядом с повреждёнными часами иногда лгали. На щеке у Наи засохла узкая дорожка крови. Лицо казалось слишком спокойным, словно она решила не мешать взрослым.

— Лада, приёмный протокол. Снимок на ходу. Кем приходится сопровождающий?

У дверей споткнулся мужчина в известковой пыли. Он всё ещё держал в кулаке красный детский шарф.

— Отец, — выдохнул он. — Я её отец. Я могу отдать сколько нужно.

Мира не ответила. Родственники всегда предлагали всю жизнь сразу, пока не понимали, что часы измеряют не годы вообще. Они показывали способность тела возвращаться после ран, лихорадки, бессонных зим и операций. Можно прожить долго с почти пустым циферблатом, но каждая простуда тогда становилась лестницей без перил. Можно иметь десятилетия календарного будущего и ни одного безопасного часа для передачи.

— В малую хроновую, — распорядилась она.

Лада Вир уже срезала одежду на боку пациентки. Её движения были точными, но подбородок едва заметно дрожал. За восемь месяцев ординатуры Лада научилась не отводить глаз от открытой раны. К остановившейся стрелке привыкнуть было труднее.

Снимок развернулся над каталкой полупрозрачным веером. Два сломанных ребра, затемнение слева, разрыв сосуда под ключицей. Не смертный приговор — если бы у тела оставалось время принять помощь.

— Почему стрелка стоит? — спросила Лада.

— Она не стоит. Она тратит меньше секунды за секунду. Шкала не видит дробей.

Мира приложила два пальца к шее Наи. Пульс был частым и пустым. Девочка сделала неглубокий вдох, будто попробовала воздух и передумала.

— Нам нужен внешний источник до восстановления сосуда.

— Отец совместим по первой группе.

— Сначала проверка предела.

Мужчина услышал и рванулся следом.

— Не надо проверять. Берите.

— Господин Сорн, останьтесь за чертой.

— Это мой час.

— Именно поэтому я не позволю вам отдать его вслепую.

Он замер у медной линии на полу. В его взгляде Мира узнала ненависть, которую люди испытывали к врачу за каждую потраченную на осторожность секунду. Она не осуждала его. За дверью лежал ребёнок, а правила звучали как равнодушие.

Лада закрыла створки. Хроновая сузилась до света, металла и резкого запаха обеззараживающего раствора. Над операционным столом висел передаточный венец: два десятка тонких дуг, сходящихся к стеклянному узлу. В нормальном режиме узел получал время из городского резерва. Донорское подключение требовало отдельного контура, двух подписей и семи минут на калибровку.

У Наи не было семи минут.

— Резерв, экстренная подача, сорок минут, — произнесла Мира.

Стеклянный узел вспыхнул молочно-белым. На внутренней поверхности проступили цифры.

`ДОСТУПНО: 00:00.`

Лада решила, что ошиблась команда, и повторила её громче. Ответ не изменился.

— Запроси центральный фонд.

— Уже. Канал открыт, заведующая.

Мира провела браслетом над замком панели. Её должность давала право на прямой аварийный запрос. Подтверждение пришло сразу, почти любезно.

`ЛИМИТ ОТДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕННО ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЁН.`

— Куда?

Система не ответила. На часах Наи синяя стрелка дёрнулась и переползла на одно деление назад.

— Давление падает, — сказала Лада.

Мира ощутила знакомую ясность. Страх никуда не исчезал; он просто отступал за невидимую перегородку, когда появлялась работа. Разрез. Зажим. Временный шов. Расправить лёгкое. Всё это они умели. Не хватало только того, что позволило бы детскому телу пережить их умение.

— Подключай дежурный контур.

Лада подняла глаза.

— Но источник не указан.

— Подключай.

— Мира...

Ординаторы называли её по имени только тогда, когда хотели напомнить: приказ отдаёт человек, а не должность.

— Я принимаю процедуру на себя. В журнале поставишь время и мою подпись.

— Сколько?

— Пятнадцать минут на запуск. Дальше посмотрим.

Лада молчала одну лишнюю секунду, после чего достала из нижнего ящика донорскую манжету. Медная сетка сомкнулась на предплечье Миры. Металл был холодным, хотя его только что стерилизовали. Панель запросила согласие.

`ПЕРЕДАЧА НЕОБРАТИМА. ПОДТВЕРДИТЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ.`

Мира прижала большой палец к стеклу.

— Подтверждаю.

Слова прозвучали буднично. Так она отвечала уже десятки раз — во время обвалов, зимней лихорадки, пожара в западной школе. Всегда понемногу. Пять минут здесь, двадцать там. После смены ломило суставы, утром проходило. Клиника учитывала расход и обещала компенсировать его из резерва после стабилизации пациента.

Венец загудел.

Боль пришла не в руку. Она возникла глубоко за глазами, как если бы бессонная неделя разом вспомнила о себе. В собственных часах Миры золотая стрелка поползла назад. В Наиных — синяя вздрогнула и пошла вперёд.

— Есть захват, — сказала Лада. — Пульс укрепляется.

— Начинаем.

Мира сделала первый разрез.

Тело ребёнка оказалось хрупкой задачей, в которой нельзя было зачеркнуть ни одной ошибки. Разорванный сосуд прятался за осколком ребра. Каждый вдох сдвигал поле на толщину волоса. Мира попросила снизить вентиляцию, провела зажим под ключицей и почувствовала, как кровь перестала заполнять полость.

— Время пациента? — спросила она.

— Двенадцать минут активного запаса.

— Донорский расход?

Лада посмотрела на боковую шкалу.

— Девятнадцать.

— Почему девятнадцать? Я задала пятнадцать.

— Контур не остановился.

— Отсечь передачу.

Лада коснулась панели. Потом ещё раз.

— Команда отклонена. Система считает вмешательство незавершённым.

— Ручной клапан.

Ординаторка потянулась к красной рукояти, но на мониторе провалилось давление. Ная выгнулась под ремнями, венец ответил резким звоном. Если разорвать контур сейчас, сердце могло не выдержать скачка.

— Оставь, — сказала Мира. — Сначала шов.

— Потери продолжаются.

— Я вижу.

На самом деле она не видела цифр. Поле перед глазами сузилось до иглы и тёмного края сосуда. Вдох. Прокол. Поворот кисти. Нить нельзя натянуть слишком сильно: детская ткань порежется. Нельзя слишком слабо: под давлением шов раскроется.

Мира слышала голос Лады, называющий минуты. Двадцать три. Двадцать семь. Тридцать одна.

Город за стенами клиники жил по башенному полудню. В эту минуту торговцы на мостах переводили кассы на дневную цену, школы открывали окна перед второй половиной занятий, поезда сверяли ход с белой стрелой Башни Полудня. Лиор верил точному времени. Здесь, в хроновой, точность означала, что у Миры из будущего исчезала ещё одна минута — не символическая, не возвращаемая отдыхом.

Она затянула последний узел.

— Сосуд держит. Расправляем лёгкое.

Лада подала расширитель. Воздух вошёл в левую половину грудной клетки, и серое пятно на мониторе стало светлее. Ная вдохнула глубже. Её часы уже не были пустыми: синяя стрелка дошла до отметки восьми минут и продолжала двигаться.

— Теперь отсечь.

Красная рукоять ушла вниз. Венец погас, манжета на руке Миры разжалась.

Тишина показалась ударом.

— Донорский расход сорок шесть минут, — сказала Лада. — Пациент получил тридцать две.

— Потери на преобразовании выше нормы.

— Почти вдвое.

— Запиши расхождение. Образец узла — в техническую экспертизу.

Мира убрала руки от стола и только тогда заметила, что перчатки тесны в суставах. Обычно после короткой передачи появлялась слабость, иногда — металлический вкус. Сейчас были пальцы, будто она провела ими по зимнему камню. Перед глазами плавали светлые точки.

- Ты садишься, — сказала Лада.
- Я закрываю доступ.
- Доступ закрою я.
- Тогда закрывай.

Мира не стала спорить: хорошая заведующая обязана была позволять ординаторке быть правой. Она отошла к умывальнику, сняла перчатки и пустила воду. На тыльной стороне правой ладони проступила тонкая сеть сухих линий. Ничего необычного после передачи.

В отражающей панели над раковиной серебрилась прядь у виска.

Мира наклонилась ближе. Волос был не один. Три, может быть четыре — короткие, жёсткие, совершенно белые. Утром, заплетая волосы, она их не видела.

— Лада.

Ординаторка застыла у панели.

- Покажи мой расход по биологическому эквиваленту.
- Уже показала система: сорок шесть минут.
- Это длительность потока. Мне нужен эквивалент.
- Он вычисляется после стабилизации.
- Вычисли сейчас.

Лада перенесла данные на ручной счётчик. Ввела возраст донора, коэффициент восстановления, плотность потока. Её пальцы замедлились на последней строке.

- Счётчик неисправен.
- Другой.

Второй дал тот же результат.

На табло было написано: `21 ДЕНЬ 04 ЧАСА`.

Мира вытерла руки. Полотенце оставило на коже мелкие белые катышки.

- Передача длилась меньше часа, — прошептала Лада.
- Мы передавали не длительность. Мы передавали способность восстанавливаться.

Пересчёт зависит от нагрузки на пациента.

- Но не может быть такого коэффициента.
- Может, раз он есть.

Лада резко повернулась к погасшему венцу.

— Ты постарела на три недели ради получаса для неё.

За створками хроновой кто-то ударил ладонью по стеклу. Отец Наи всё ещё ждал у медной черты. Мира видела его силуэт, красный шарф в руке и лицо, на котором страх пока не решался стать надеждой.

— Ная получила не полчаса, — сказала она. — Она получила возможность пережить операцию.

— Я не об этом.

— А я сейчас только об этом. Заканчивай протокол.

Они перевели девочку в восстановительную капсулу. Синяя стрелка шла ровно, прибавляя по одному делению с каждым циклом аппарата. Ная ещё не была спасена окончательно, но следующий час у неё появился.

Мира вышла к отцу.

— Операция завершена. Сосуд восстановлен, лёгкое расправилось. Ближайшие два часа она проведёт под наблюдением.

Мужчина открыл рот, но не смог произнести ни слова. Потом прижал красный шарф к лицу. Мира подождала. В такие минуты нельзя было торопить благодарность или горе — оба чувства принадлежали не врачу.

- Вы взяли моё время? — наконец спросил он.
- Нет.

— Тогда откуда...

— Клиника провела экстренную подачу.

Это не было ложью. Но правда оказалась сформулирована так, что в ней не осталось ни её руки в медной сетке, ни белых волос у виска. Мира вдруг услышала собственные слова со стороны — официальный ответ, гладкий и бесполезный.

— Кто заплатил? — спросил отец.

Раньше родственники редко задавали этот вопрос. Их учили, что для сложных вмешательств существует городской резерв: часы, пожертвованные здоровыми гражданами, компенсационные фонды опасных производств, невостребованные остатки закрытых договоров. Врачи подключали узел, администрация сводила баланс, пациент возвращался домой. Цена растворялась в слове «городской».

— Я выясню, — сказала Мира.

Мужчина опустил шарф.

— Но вы же заведующая.

— Поэтому и выясню.

В коридоре пробил полдень. Удар Башни Полудня прошёл через стены низкой вибрацией, и все часы отделения одновременно подняли стрелки к верхнему делению. Все, кроме служебного счётчика в руке Лады. На его экране по-прежнему стояли двадцать один день и четыре часа.

Мира вошла в кабинет, не снимая операционной куртки. На столе лежали утренние отчёты: расход перевязочных материалов, очередь на калибровку, три заявления на отпуск. Она открыла журнал городского резерва.

Напротив операции Наи уже появилась строка.

‘ИСТОЧНИК: СЛУЖЕБНЫЙ КОНТУР.’

‘РАСХОД: 00:46.’

‘КОМПЕНСАЦИЯ ДОНОРУ: НЕ ТРЕБУЕТСЯ.’

Мира перечитала последнюю запись. Затем раскрыла подробности доступа. Поле с именем донора было пустым, хотя её браслет подтвердил передачу. Вместо подписи стоял серый знак клиники — автоматическое согласование по трудовому протоколу.

— Ты это видела раньше? — спросила Лада от двери.

Мира не заметила, как та вошла.

— Пустое поле — да. Я считала, что имя скрывают от пациента.

— А «компенсация не требуется»?

— Нет.

Она открыла предыдущую экстренную операцию. Потом ещё одну. Служебный контур. Расход в минутах. Компенсация не требуется. Врачебные имена отсутствовали.

Десять лет Мира учила молодых коллег: если цена не отражена в карте, это не означает, что цены нет. Обычно она говорила о боли, осложнениях и времени семьи. Теперь фраза обрела буквальный смысл.

— За какой срок выгрузить журнал? — спросила Лада.

Вопрос был правильным. Не «будем ли», а «за какой срок».

Мира посмотрела на белые волосы в тёмном отражении окна. Три недели невозможно было вернуть. Но можно было узнать, кто решил, что их не требуется даже записывать.

— За семь лет, — сказала она. — С момента последней реформы резерва.

— Это тысячи операций.

— Значит, начнём с сегодняшней.

Она сохранила строку Наи в отдельном архиве и впервые внесла туда имя донора вручную.

‘МИРА ТАЛЬ. ПОТЕРЯ: 21 ДЕНЬ 04 ЧАСА.’

Система предупредила, что поле не предусмотрено формой. Мира подтвердила запись поверх предупреждения.

За стеклом восстановительной капсулы Ная открыла глаза. Её отец поднялся так быстро, что красный шарф упал на пол. Девочка ещё не могла его видеть, но её секундная стрелка двигалась.

А часы на руке Миры отставали от башни ровно на три недели.

Глава 2. Башня точного времени

К вечеру часы отделения начали спорить друг с другом.

Настенные показывали семнадцать двадцать две. Табло над постом — семнадцать двадцать одну. Личный хронометр Миры отставал ещё на семь секунд, хотя утром все приборы сверялись с Башней Полудня автоматически. Для человека семь секунд были ничем. Для передачи времени — расстоянием между допустимой погрешностью и чужой потерей, которую никто не заметит.

Мира положила рядом три прибора и дождалась следующего сигнала сверки. Стрелки вздрогнули, но не сошлись.

— Может, после аварийного контура? — предположила Лада.

Она сидела за вторым столом, окружённая распечатками. Электронный журнал не позволял выгрузить семь лет одним запросом: после каждого месяца требовалось заново подтверждать служебную необходимость. Система словно соглашалась отвечать, но надеялась, что спрашивающий устанет.

— Контур мог сбить один прибор, — сказала Мира. — Не всё отделение.

— Тогда Башня.

— Башня не ошибается.

Так говорили в Лиоре детям. Башня Полудня пережила три наводнения, смену городского совета и календарную реформу. Её белая стрела поднималась над крышами и каждую минуту посылала калибровочный импульс в клиники, станции и школы. Если часы расходились, ошибались часы.

Лада потёрла глаза.

— За последние два месяца — двадцать восемь экстренных подключений. Во всех пустое поле донора. В четырёх расход выше заданного предела.

— Имена операторов?

— По сменам можно восстановить. Но прямой связи система не хранит.

— Хранит. Просто не показывает нам.

Мира развернула отчёт по сегодняшней операции. Строка с её именем, внесённая вручную, оставалась на месте. Рядом стоял серый значок: `НЕСТАНДАРТНОЕ ПОЛЕ`. Через сутки автоматическая очистка могла удалить её как ошибку формы.

— Сделай бумажную копию.

— Уже три.

Лада указала на верхний ящик, запёртый механическим ключом. Мира улыбнулась бы, если бы не усталость. В двадцать семь лет ординаторка не доверяла бумаге, пока электронная система не попыталась стереть правду.

В дверь постучали один раз и вошли, не дожидаясь ответа.

— Заведующая Таль?

Посыльный Башни носил серую форму без знаков клиники. На его плече была вышита белая вертикальная черта — эталон, от которого отсчитывались все городские часы.

— Я.

— Обнаружено расхождение в вашей локальной сети. Астроном этики проведёт внеплановую сверку. До её завершения запрещено отключать узлы и изменять журналы передачи.

Лада посмотрела на открытый архив.

— Когда он прибудет?

— Прибыл.

Посыльный отступил в коридор. За его спиной стоял Рен Ардо.

Три года назад Мира видела его в зале семейного суда, где время измеряли не часами, а короткими вопросами секретаря. Согласны ли стороны. Имеются ли имущественные претензии. Требуется ли срок для примирения. Они ответили: да, нет, нет. Рен держал в руках ключ от их квартиры и после подписи положил его на край стола, будто возвращал лабораторный инструмент.

Сейчас он был в тёмном форменном пальто Башни, слишком тяжёлом для тёплого коридора. Волосы стали короче, у рта появились две резкие линии. Всё остальное память сохранила с неприятной точностью: привычку чуть склонять голову, прежде чем войти; серые глаза, которые замечали неисправность раньше человека; узкий шрам на подбородке.

— Мира, — сказал он.

— Астроном Ардо.

Лада уронила лист. Нагнулась за ним и осталась под столом дольше, чем требовалось.

Рен снял перчатки.

— Башня получила семь несовпадающих ответов на один калибровочный импульс.

Шесть от приборов отделения, один — от передаточного узла.

— Узел сегодня работал через аварийный контур.

— Поэтому я здесь.

— Обычно внеплановую сверку проводит техник.

— Обычно локальная сеть не теряет одиннадцать секунд между источником и пациентом.

Мира придвинула к себе хронометр. Семь секунд на её приборе. Значит, в других местах нехватка была больше.

— Потеря или задержка сигнала?

— Это и предстоит установить. Мне нужен доступ в хроновую, журнал за сутки и список подключённых сотрудников.

— Журнал за семь лет.

Рен впервые отвёл взгляд от её лица к столу. Он увидел распечатки, механический ключ, раскрытую строку со служебным контуром.

— Почему за семь?

— Потому что пустое поле донора не появилось сегодня.

Посыльный всё ещё стоял у двери. Рен обернулся.

— Ожидайте у центрального узла. Я начну здесь.

Когда дверь закрылась, Лада наконец выпрямилась.

— Вы знакомы.

— Это не относится к сверке.

— Он назвал тебя Мирой.

— В городе есть люди, знающие моё имя.

— И ты побледнела.

— Я сегодня постарела на три недели. Мне разрешено выглядеть уставшей.

Рен перевёл взгляд на белую прядь у её виска. Она увидела момент, когда он понял, что это не отражение лампы. Его рука едва заметно сжалась на ремне измерительного футляра.

— Какой был эквивалент? — спросил он.

— Вопросы задаёт заведующая, — сказала Лада.

Мира не ожидала от неё этой резкости. Рен, судя по поднятой брови, тоже.

— Двадцать один день и четыре часа, — ответила Мира. — Поток длился сорок шесть минут. Пациент получила тридцать две. Заданный предел — пятнадцать.

— Контур превысил предел втрое?

— Он отказался отключаться до завершения вмешательства.

— И ты осталась подключена.

— Пациентке было девять.

— Возраст не меняет требования к контуру.

— Зато меняет диаметр сосуда, который я держала в тот момент.

Молчание стало слишком знакомым. Именно так начинались их прежние споры: Рен называл правило, Мира — конкретного человека, и оба слышали в ответе другого только отказ понять очевидное.

Лада придвинула к нему служебный счётчик.

— Посмотрите сами.

Рен открыл футляр. Внутри лежал астрономический компаратор — чёрный диск с белой нитью вместо стрелки. Прибор не измерял запас восстановления. Он сравнивал два потока и находил то, что исчезло между ними.

— Мне понадобится исходная запись Башни, — сказал он.

— Берите.

— Ваше разрешение недостаточно. Запись принадлежит городской сети.

— Тогда зачем вы сказали, что понадобится?

— Чтобы предупредить: часть проверки будет закрыта до решения комиссии.

Мира откинулась на спинку стула. Суставы отозвались тупой болью.

— Пациент получила меньше времени, чем потерял донор. Донор не указан. Система превысила согласованный предел. А результат проверки вы предлагаете закрыть от заведующей отделением?

— Я предлагаю соблюдать процедуру, которая не позволит клинике заменить данные прежде, чем они станут доказательством.

Это остановило её.

Рен всегда умел произносить главное слишком поздно — после длинной лестницы оговорок, на которой собеседник успевал разозлиться. Мира кивнула на дверь.

— Хроновая свободна. Лада идёт с нами.

— Сверка требует независимости.

— Лада присутствовала при операции и представляет отделение.

— Хорошо.

Он согласился сразу. Раньше спорил бы, чтобы доказать чистоту метода. Или ей хотелось думать, что за три года он изменился настолько удобно?

В хроновой уже работал посыльный. Он закрепил на венце белые метки и вывел на стену последовательность сегодняшней передачи. Поток выглядел как две линии: золотая от донора, синяя к пациенту. Между ними тянулась серая полоса преобразования.

Рен установил компаратор в центр узла.

— Повторная передача не проводится, — сказал он. — Только считывание остаточного следа.

— Мы знаем правила, — ответила Мира.

— Я обязан произнести их вслух.

— Даже перед бывшей женой?

Лада тихо кашлянула. Посыльный внезапно заинтересовался креплением метки.

Рен не изменился в лице.

— Особенно перед человеком, который может решить, что знает мои намерения заранее.

Мира пожалела о словах. Не потому, что они были личными, а потому, что вернули ему право на точный ответ.

Компаратор ожил. Белая нить разделилась на две и начала повторять изгибы линий. У первых пятнадцати минут потока серый промежуток оставался узким. Затем золотая линия Миры ушла вниз круче, а синяя линия Наи сохранила прежний наклон.

— Здесь, — сказала Лада. — После заданного предела.

Рен увеличил фрагмент.

— Контур переключил коэффициент.

— Сам?

— Команда пришла снаружи узла.

— Из центрального фонда?

— Адрес зашифрован служебным ключом клиники.

Мира вспомнила любезное сообщение: лимит временно перераспределён.

— Кто имеет ключ?

— Директор, финансовый куратор, главный хронолог. Возможно, автоматический управляющий модуль.

— Удобное «возможно».

— Я не называю виновного до проверки.

— А потерю назвать можешь?

Рен наложил на остаточный след импульс Башни. Белая нить задрожала. Цифры появились не сразу: компаратор трижды пересчитал результат.

‘ИСТОЧНИК: 21 ДЕНЬ 04 ЧАСА.’

‘ПОЛУЧАТЕЛЬ: 32 МИНУТЫ 11 СЕКУНД.’

‘ПРЕОБРАЗОВАНИЕ: 17 ДНЕЙ 09 ЧАСОВ.’

Лада выругалась шёпотом.

— Семнадцать дней не могли уйти на преобразование, — сказала Мира. — Даже старые венцы теряют не больше четверти.

— Они не ушли на преобразование.

Рен убрал стандартный фильтр. Серая полоса распалась на тонкие ответвления. Большая часть исчезала за границей схемы, в канале без подписи.

— Это отвод, — сказала Лада.

— Похоже на него.

— Куда?

— Сейчас узнаем.

Рен соединил компаратор с городской сетью. На стене возник силуэт Лиора: башня в центре, расходящиеся от неё калибровочные лучи, сотни точек клинических узлов. Один луч был темнее остальных. Он шёл от их отделения к центральному фонду, но у самого фонда раздваивался. Первая ветвь заканчивалась пустой меткой резерва. Вторая поднималась к Башне Полудня.

Белая нить компаратора натянулась между ними.

— Клиника передавала мои дни в Башню? — спросила Мира.

— Нет. Башня не принимает биологическое время. Она только регистрирует ритм потока.

— Тогда почему ветвь ведёт туда?

— Потому что кто-то использует калибровочный канал как адресное укрытие.

Рен отключил городскую схему и повернулся к посыльному.

— Опечатать центральный разъём. Никому не давать доступ без моего личного ключа и ключа заведующей Таль.

— А если поступит экстренный пациент? — спросила Мира.

— Перевод в соседний корпус.

— Дорога занимает одиннадцать минут.

— Этот узел крадёт у донора дни.

— А без него пациент может потерять жизнь.

— Ты не можешь продолжать подключение после того, что мы увидели.

— Не решай за меня, что я могу.

— Я решаю за сеть, которую обязан остановить при неучтённом отводе.

- Тогда дай безопасный обход.
- Его нужно рассчитать.
- Сколько времени?
- До утра.
- У болезни нет расписания Башни.

Рен посмотрел на погасший венец, потом на восстановительную капсулу за стеклом. Ная спала, её отец сидел рядом, намотав красный шарф на запястье. Спорить о принципах возле спасённого ребёнка было нечестно: её присутствие превращало любую осторожность в трусость. Но и стоять здесь с тремя неделями чужой жизни, исчезнувшими в неизвестном канале, было нечестно тоже.

— Локальный контур без связи с центральным фондом, — сказал Рен. — Прямой донор и ручной предел. Потери будут выше нормы, зато отвод невозможен.

- Сколько займёт?
- Два часа на сборку.
- Сорок минут.
- Это не операция, Мира. Прибор не станет точнее от твоего приказа.

— Через сорок минут начинается ночная смена, а соседний корпус закрывает одну хроновую на промывку. Мы останемся единственной экстренной точкой в трёх кварталах.

Рен ненадолго закрыл глаза. Она помнила этот жест: так он отсекал раздражение, прежде чем оно попадёт в решение.

— Пятьдесят минут. Лада помогает мне. Ты поднимаешь бумажный протокол донорского согласия и запрещаешь автоматические подключения.

— Согласна.

Они не пожали рук. Рен передал Мира механический ключ от опечатанного разъёма. Холодный металл лёг ей на ладонь, почти такой же, как ключ от квартиры в день развода.

На этот раз он не возвращал прошлое. Он делил с ней ответственность за ближайшую ночь.

Пока Лада разматывала независимую линию, Мира обзвонила посты. Запретила служебный контур без названного донора. Велела подготовить бумажные формы и предупредить пациентов: резерв временно недоступен. На третьем звонке старшая сестра спросила, кто решил менять порядок.

- Я.
- Администрация потребует основание.
- Получит утром.

Рен работал молча, стоя на коленях у основания венца. Форменное пальто он снял; под закатанным рукавом рубашки виднелся старый ожог. Мира знала, откуда он: пять лет назад в их кухне лопнула колба домашнего часовщика. Она принесла мазь, он утверждал, что ожог поверхностный, и они поссорились о том, имеет ли врач право лечить мужа без его просьбы.

Теперь она заметила шрам и отвернулась первой.

Через сорок восемь минут независимая линия была готова. Рен проверил её трижды, Лада — один раз по инструкции и один по собственному списку. Потенциальная потеря на преобразовании составляла тридцать процентов, но поток не мог уйти за пределы хроновой.

- До полной проверки это единственный разрешённый режим, — сказал Рен.
- Зафиксируй письменно.

Он внёс условие в журнал и подписал своим ключом. Затем открыл сводку расхождений Башни.

- Сегодняшний случай не первый.

На экране появились даты. Не имена, не операции — только моменты, когда локальные часы клиники отставали от эталона. Вчера четыре секунды. Три дня назад девять. Неделю назад пять. Систематические малые отклонения тянулись вниз по списку.

— За какой срок? — спросила Мира.

— В доступной мне сводке — восемнадцать месяцев.

— Сколько случаев?

— Четыреста двенадцать.

Лада перестала складывать кабель.

— Четыреста двенадцать операций?

— Нет. Расхождений. Одно могло охватывать несколько передач.

Мира представила пустые поля в журнале, белые волосы у врачей, усталость, которую все списывали на ночные смены. Три недели у неё. Один день у другого. Час у третьего. Потери, слишком малые по отдельности, чтобы остановить работу, и достаточно частые, чтобы кто-то построил из них годы.

— Почему Башня не подняла тревогу раньше?

Рен долго смотрел на список.

— Потому что каждое отклонение оставалось внутри допустимой погрешности.

— Одиннадцать секунд сегодня тоже?

— Нет. Сегодня кто-то ошибся.

— Или торопился.

— Возможно.

Он снял компаратор с узла. Белая нить погасла, но на внутреннем диске остался тонкий след, похожий на трещину.

— Утром я запрошу полный архив клиники и Башни, — сказал Рен. — До тех пор эти данные не должны покидать отделение.

— Администрация уже знает об опечатанном разъёме.

— Пусть знает. Об отводе — нет.

— Ты предлагаешь скрыть угрозу от врачей, чьё время уходит в этот канал?

— Я предлагаю не предупреждать человека с ключом, пока мы не сохраним доказательства.

Мира подошла ближе. Между ними оставался футляр компаратора и три года тщательно соблюдаемого расстояния.

— Если ночью кто-то подключится к другому узлу, цена ляжет на него.

— Передай всем отделениям запрет на автоматический режим как техническую меру.

Не называй отвод.

— Полуправда.

— На несколько часов.

— Ты всегда определял срок чужого незнания сам.

Рен побледнел. Она поняла, куда ударила, только после слов. Их брак закончился не одной ложью, а сотней отсроченных разговоров: после комиссии, после её смены, после его наблюдений. Он скрывал плохие вероятности, чтобы дать ей спокойно работать. Она работала, чтобы не спрашивать.

— Утром, — повторил он. — Если архив будет у нас, я сообщу комиссии и врачам одновременно. Если не будет — сообщу без архива и приму последствия.

Это звучало не как просьба довериться ему. Скорее как обязательство, которое можно проверить.

— В шесть тридцать, — сказала Мира. — Ночная смена сдаёт пост в семь. К этому времени люди должны знать.

— В шесть тридцать.

Рен застегнул футляр. У двери остановился.

— Тебе нужно пройти биологическую оценку.

— Уже прошла первичную.

— Полную. Через сутки могут проявиться сердечные нарушения.

— Запишусь после обхода.

— Мира.

В одном слове было слишком много старого: тревога, требование, привычка считать её тело общей задачей. Она подняла ладонь с белеющими сухими линиями.

— Ты получил право проверять узел, Рен. Не меня.

Он кивнул.

— Тогда как астроном этики сообщаю заведующей: донор после несоразмерной передачи должен быть отстранён от следующего подключения до оценки.

— Вот это внеси в протокол.

— Уже внёс.

Он вышел.

В девятнадцать часов все приборы отделения снова приняли сигнал Башни. Настенные часы, табло и личный хронометр Миры сошлись до секунды. Только служебный счётчик сохранил прежнее число — двадцать один день и четыре часа.

Мира открыла ночной журнал. Под строкой Наи появилась новая запись: независимая линия собрана, центральный разъём опечатан двумя ключами.

Она добавила третью строку.

‘ОБНАРУЖЕН НЕУЧТЁННЫЙ ОТВОД. ЧИСЛО РАСХОЖДЕНИЙ ЗА 18 МЕСЯЦЕВ:
412.’

Система снова предупредила, что поле не предусмотрено формой.

На этот раз рядом с её подписью появилась подпись Рена Ардо.

Глава 3. Цена, которой нет в карте

В шесть двадцать восемь утра в отделении погасли все нестандартные поля.

Мира стояла у поста и смотрела, как из журнала исчезает её имя. Сначала оно побледнело, потом строка сдвинулась влево, словно освободив место под правильный ответ. На экране снова осталось только безличное: `СЛУЖЕБНЫЙ КОНТУР`.

Запись о двадцати одном дне и четырёх часах продержалась дольше. Цифры мигнули, вокруг них возникла красная рамка, и система предложила заменить значение на нормативное. `РАСЧЁТНАЯ ПОГРЕШНОСТЬ: 00 ДНЕЙ 00 ЧАСОВ 46 МИНУТ`.

— Ничего не нажимай, — сказала Мира.

Лада и не нажимала. Она держала обе руки на виду, будто их могли обвинить в исчезновении данных.

— Я выгрузила экран минуту назад. На бумаге всё есть.

— Бумага доказывает, что запись была. Нам нужно доказать, кто её стирает.

Мира вызвала журнал системных действий. Доступ оказался закрыт сообщением о плановом обновлении формы. Плановое обновление, назначенное на шесть двадцать восемь, в конце ночной смены и за две минуты до срока, который они дали себе с Реном.

На посту зазвонил внутренний телефон.

— Заведующая Таль, — сказала Мира.

— Вас ждут в малом зале совета, — ответил секретарь директора. — Немедленно. С материалами ночной проверки.

— Кто присутствует?

— Директор Севен, главный хронолог и представитель Башни.

— Имя представителя.

Секретарь помолчал.

— Астроном Ардо.

Значит, Рен успел. Или его успели вызвать раньше.

Мира закрыла журнал и вынула из нижнего ящика бумажные копии. Белые листы пахли горячим тонером. Лада вложила между ними прозрачный слепок остаточного следа компаратора — тонкую плёнку с золотой линией, уходящей в безымянный канал.

— Оригинал оставь здесь, — сказала Мира.

— Это копия. Оригинал астроном унёс с прибором.

— Тогда копию тоже оставь.

Лада нахмурилась.

— С чем ты пойдёшь?

— С тем, что они уже знают. Остальное должно пережить совещание.

Она разделила бумаги. В папку положила отчёт об операции Наи, норматив потерь и распоряжение об отключении автоматического режима. Выгрузку за семь лет, списки пустых доноров и слепок Лада заперла обратно механическим ключом.

— Если меня не будет через час, — сказала Мира, — раздай копии старшим смен. Не в общую сеть. В руки.

— «Не будет» — это где?

— На совете могут отстранить меня.

— За то, что ты внесла настоящее число?

— За то, что число мешает им называть систему безопасной.

Лада дёрнула плечом, будто хотела сбросить холод. Под глазами у неё залегли тени. За ночь она успела принять двух пациентов на независимой линии: пожилому мужчине передали

семь добровольных минут от дочери, женщине с ожогом хватило собственного запаса. Ни один поток не вышел за пределы хроновой.

— Тогда я пойду с тобой, — сказала она.

— Нет. Ты сдаёшь смену и проходишь биологическую оценку.

— Я не подключалась ночью.

— Оценку за последний год.

Лада отвернулась к экрану.

Слишком быстро. Не удивление, не вопрос — отказ взглянуть.

— Почему за год? — спросила она.

— Потому что пустые поля появились не вчера.

— У меня всё нормально.

— Это скажет обследование.

— А если не нормально, меня снимут с операций.

— Если не нормально, следующая операция может снять с тебя больше, чем смену.

Лада сжала ключ в кулаке. Мира видела этот жест у молодых врачей: они боялись не болезни, а права кого-то другого распорядиться их работой. Она сама научила их держаться до конца, не оставлять стол, считать усталость частью формы. Теперь каждая правильная фраза звучала так, словно Мира внезапно перешла на сторону администрации.

— Я не отдаю приказ об отстранении, — сказала она мягче. — Я прошу тебя узнать собственное число до следующего подключения.

— А ты узнала?

— В полдень у меня полная оценка.

Это было правдой: после ухода Рена она сама внесла запись в расписание. Лада разжала пальцы.

— Хорошо. Но копии я раздам через час, даже если секретарь скажет, что совещание затянулось.

— Именно так.

Малый зал совета находился двумя этажами выше, в старой части клиники, где окна ещё открывались вручную. Рассвет лежал на длинном столе бледным прямоугольником. На стене висела карта Лиора: двенадцать клиник, семь станций помощи, центральный фонд и Башня Полудня, обозначенная белой звездой. Потoki времени были нанесены золотыми линиями. Ни одна не начиналась от врачей.

Директор Эвар Севен сидел во главе стола. Ему было около шестидесяти, но на вид — не больше пятидесяти: ровная кожа, крепкие руки, ни одной возрастной дрожи. Мира прежде считала это удачной наследственностью. Сегодня впервые подумала о карте, на которой не было цены.

Рядом с ним главный хронолог Кай Нер просматривал планшет. Рен стоял у окна. Форменный знак Башни был приколот ровно, лицо казалось бессонным. Увидев папку в руках Миры, он едва заметно качнул головой: не спрашивал, сохранила ли она доказательства, а подтверждал, что понял её предосторожность.

— Садитесь, заведующая, — сказал Севен. — Нам нужно быстро устранить последствия ночного недоразумения.

Мира осталась стоять.

— Какого именно?

— Самовольного изменения режима экстренной помощи.

— Центральный разъём опечатан представителем Башни после обнаружения неучтённого отвода.

— Предполагаемого отвода, — поправил Нер. — Астрономический компаратор обнаружил разницу между биологическим и процедурным временем. Это известный эффект.

— Семнадцать дней девять часов при полученных пациентом тридцати двух минутах — известный эффект?

Нер развернул к ней планшет. На экране была таблица коэффициентов: возраст донора, состояние реципиента, сложность сосудистой реконструкции, износ венца. В последней графе стоял диапазон допустимой потери — до девяноста девяти процентов.

— При сочетании неблагоприятных факторов, — сказал он.

— Вчера норматив для этого венца составлял двадцать восемь процентов.

— Норматив — ориентир. Живая ткань не обязана следовать таблице.

— Зато таблица, кажется, научилась следовать нужному ответу.

Севен снял очки.

— Мира, вы провели тяжёлую операцию и сами стали донором. Я понимаю ваше состояние. Но сейчас от ваших решений зависит доступ трёх районов к экстренной помощи.

— Поэтому независимая линия работает.

— С потерей тридцати процентов и обязательным названным донором. Вы представляете, сколько родственников откажутся?

— Представляю. Они имеют право отказаться.

— А пациенты имеют право на помощь.

— Не за счёт человека, которому система не сообщает цену.

Директор посмотрел на Рена.

— Астроном Ардо, объясните заведующей разницу между системным резервом и индивидуальным донорством.

— Она её знает, — сказал Рен.

— Тогда объясните мне, почему Башня опечатала исправный узел.

Рен подошёл к столу и положил перед директором металлическую пластину с записью компаратора.

— Потому что поток покинул локальный контур под ложным адресом калибровочного канала. Башня не принимает биологическое время. Следовательно, указанное назначение невозможно.

— Ошибка маркировки.

— Ошибка маркировки не создаёт физическую ветвь.

— Остаточный след мог принадлежать предыдущей передаче.

— Его ритм совпадает с часами заведующей Таль.

В комнате стало тихо. С улицы донёсся первый утренний сигнал Башни — один низкий удар, от которого стекло в окне едва слышно задрожало.

Севен надел очки.

— Вы утверждаете, что клиника присвоила время сотрудника?

— Я утверждаю, что семнадцать дней и девять часов заведующей Таль не дошли до пациента и были отведены в узел, которого нет в утверждённой схеме.

— Куда?

— Для ответа мне нужен полный доступ к архиву фонда.

— Отказано, пока вы не представите основание, выходящее за пределы одной аномальной операции.

Рен вынул второй лист.

— Четыреста двенадцать расхождений за восемнадцать месяцев.

— Все в пределах допуска, — сказал Нер.

— По отдельности.

— Допуск именно так и применяется: к каждому измерению.

— Если в одной кассе четыреста двенадцать раз пропадает по монете, — сказала Мира, — это не четыреста двенадцать допустимых округлений. Это чья-то зарплата.

— Биологическое время — не деньги, — ответил Нер.

— Тогда почему у фонда есть баланс?

Нер закрыл планшет. Директор сцепил руки на столе.

— Потому что город обязан распределять ограниченный ресурс. И именно поэтому отдельный врач не может перекрыть его, руководствуясь личной обидой.

Мира почувствовала, как в груди поднимается знакомая ледяная ясность. Так бывало перед осложнением: всё лишнее исчезало, оставались только опасность и следующий точный шаг.

— Внесите в протокол, — сказала она, — что директор клиники назвал документированную биологическую потерю заведующей личной обидой.

Секретарь у стены замер над клавиатурой.

— Не нужно превращать рабочее обсуждение в спектакль, — сказал Севен.

— Тогда внесите только точную формулировку.

— Внесите, — неожиданно сказал Рен.

Секретарь начал печатать.

Севен медленно повернулся к нему.

— Вы здесь как технический эксперт, а не защитник заведующей.

— Поэтому мне важно, чтобы протокол отличал технический вывод от оценки её мотивов.

Мира не поблагодарила его. Благодарность превратила бы правильное действие в личную услугу. Рен, кажется, это понимал: он смотрел на секретаря, а не на неё.

Главный хронолог снова открыл таблицу.

— Вернёмся к цифрам. Двадцать один день — результат первичной биологической оценки. Она учитывает острый стресс, обезвоживание и временное угнетение восстановительного индекса. Через неделю часть отклонения компенсируется.

— Передача необратима, — сказала Мира.

— Передача — да. Оценка её эквивалента уточняется.

— Белые волосы тоже уточнятся?

— Пигментация не является надёжным маркером возраста.

— А суставная боль? Нарушение ритма? Изменение сосудистой эластичности?

— У вас есть результаты полной оценки?

— Она назначена на полдень.

— Значит, мы обсуждаем предварительные данные.

Он произнёс это почти с облегчением. Нет полной оценки — нет цены. Нет цены — нет пострадавшего. Можно вернуть кнопку автоматического режима и продолжить утро.

Мира открыла папку и достала отчёт Наи.

— Пациент получила тридцать две минуты. Эти данные окончательные?

— Да.

— Мой личный счётчик зафиксировал двадцать один день четыре часа. Эти данные существуют?

— Как предварительные.

— Отвод семнадцати дней девяти часов существует?

Нер взглянул на директора.

— Интерпретация следа оспаривается.

— Назовите вашу интерпретацию.

— Техническая погрешность.

— Погрешность прибора или потеря моего времени?

— Разница измерений.

— У разницы есть источник и назначение. Я источник. Что было назначением?

Нер не ответил.

Севен подвинул к Мире подготовленное распоряжение.

— До окончания служебной проверки вам предписано восстановить автоматические подключения. Нестандартные поля будут удалены как нарушающие целостность медицинской карты. Ваши личные замечания можно приложить отдельной запиской.

— Сколько времени потеряла ночная смена за последний год?

— Это не относится к распоряжению.

— Тогда я его не исполню.

— Вы готовы оставить ребёнка без помощи, если рядом не окажется добровольного донора?

Вопрос был рассчитан точно. Не на врача вообще — на неё, вчера державшую сосуд девятилетней девочки. Перед Мирой на мгновение возник красный шарф на запястье отца Наи и стрелка, лежащая у нуля.

— Нет, — сказала она. — Я готова искать донора, распределять безопасные доли, переводить бригады и требовать от города открыть настоящий резерв. Но я не назову помощью устройство, которое тайно подключает врача.

— Вы не доказали, что подключение тайное.

— Моего имени не было в карте.

— Служебный контур по трудовому договору включает персонал клиники в общий пул реагирования.

Вот оно. Не ошибка, не перегрев венца, не неудачная формулировка. Пул.

Мира наклонилась к столу.

— Какой пункт договора разрешает передачу биологического времени без отдельного согласия?

— Юридический отдел даст толкование.

— Номер пункта.

— Сейчас это не предмет заседания.

— Вы только что сделали его основанием распоряжения.

Севен убрал лист, но поздно: секретарь уже записал его слова. Рен стоял неподвижно. Лишь большой палец его левой руки один раз провёл по краю форменного знака — жест, который Мира помнила по самым трудным слушаниям.

— Мне требуется копия трудового договора заведующей Таль и положения об общем пуле, — сказал он.

— Башня не проверяет кадровые документы клиники, — отрезал Севен.

— Башня проверяет законность источника потока, если он маскируется под калибровочный канал.

— Вы превышаете полномочия.

— Тогда откажите письменно.

На этот раз секретарь не ждал указания. Клавиши застучали сами.

Директор посмотрел на часы. Было шесть сорок семь. Срок, обещанный ночной смене, уже прошёл.

— Объявление сотрудникам до завершения проверки создаст панику, — сказал он. — Все присутствующие сохраняют конфиденциальность. Заведующая Таль передаёт ключ от разъёма главному хронологу и возвращает штатный режим. Астроном Ардо завершает техническое заключение к вечеру.

— Нет, — сказала Мира.

— Это приказ директора.

— Ключ выдан мне для совместного контроля. Передать его можно только с согласия второго держателя.

Все посмотрели на Рена.

Три года назад Мира ненавидела именно такие секунды. Он искал безупречную формулировку, пока живой человек ждал ответа. Сейчас ей хотелось потребовать: скажи сразу. Не прячь решение за процедурой.

Рен снял знак Башни с лацкана, положил рядом с пластиной компаратора и сказал:

— Я не согласен.

Всего три слова. Мира выдохнула, не заметив, что задерживала дыхание.

— Тогда вы оба временно отстраняетесь от действий с центральным узлом, — произнёс Севен. — К полудню прибудет городская комиссия.

— До полудня отделение работает на независимой линии, — сказала Мира.

— До полудня вы не заведуете отделением.

Он подписал распоряжение и передал его секретарю. Тот поставил временную отметку. Шесть пятьдесят одна.

Мира прочитала документ. Её отстраняли не от врачебной практики, а от административных решений «в связи с эмоциональной вовлечённостью в предмет проверки». Исполняющим обязанности назначался Кай Нер.

— Я остаюсь лечащим врачом Наи Сорн?

— Если пройдёте оценку и не будете вмешиваться в работу узла.

— Тогда я возвращаюсь к пациентке.

Севен явно ожидал спора за должность. Мира увидела это по короткому движению его бровей. Должность давала ключи, но не была целью. Целью было не позволить ещё одному человеку заплатить вслепую.

У двери Рен догнал её.

— Мира.

Она не остановилась до лестничной площадки.

— Ты знал про общий пул? — спросила она.

— Нет.

— В документах Башни его нет?

— Есть городской резерв и добровольные донорские линии. Источник «персонал по договору» не зарегистрирован.

— Значит, Севен проговорился.

— Или дал нам формулировку, которую юридический отдел потом заменит другой.

— Протокол сохранится?

Рен посмотрел вверх, туда, где за дверью остались директор и его секретарь.

— Я передал копию в защищённый журнал Башни во время заседания.

— Без предупреждения?

— Участники были уведомлены, что заседание протоколируется.

— Я спрашиваю не о правилах.

Он понял. На лестнице пахло пылью и утренним дождём из приоткрытого окна. Когда-то она слишком часто узнавала о его защитных решениях после того, как они становились необратимыми.

— Я должен был сказать тебе до входа, — произнёс Рен. — Не сказал, потому что боялся, что при тебе закроют доступ раньше передачи.

Не оправдание. Факт и причина, предложенные ей для оценки.

— В следующий раз говори, — сказала Мира. — Даже если думаешь, что моё знание мешает твоему плану.

— Хорошо.

— И не обещай «хорошо», если собираешься решать по обстоятельствам.

— Я сообщу до действия. Если промедление уничтожает доказательство — сообщу одновременно с действием и приму твой отказ участвовать дальше.

Точность была почти невыносимой. Он всё ещё умел превращать чувство в условие протокола. Но впервые условие ограничивало его самого.

— Это уже похоже на правду, — сказала Мира.

Снизу донёсся шум. По лестнице поднимались сотрудники ночной смены: медсёстры, два техника, санитар, врач из ожогового блока. Впереди шла Лада с пачкой бумажных копий.

— Час прошёл, — сказала она.

За её спиной стояло не меньше двадцати человек. Кто-то ещё был в защитном халате, кто-то держал чашку остывшего кофе. Они смотрели на Миру, на Рена, на папку с печатью совета.

— Нас подключали? — спросила старшая сестра Рая.

Мира могла бы сказать, что проверка продолжается. Могла бы дать техническое распоряжение и выиграть время. Рен обещал сообщить комиссии и врачам одновременно, но комиссия прибудет только к полудню. Севен приказал сохранять конфиденциальность.

А поле с её именем исчезло в шесть двадцать восемь.

— Система использовала служебный контур без указания конкретного донора, — сказала Мира. — Вчера у меня списан двадцать один день и четыре часа. Пациент получила тридцать две минуты. Семнадцать дней девять часов ушли в неучтённый канал. За восемнадцать месяцев Башня видит четыреста двенадцать расхождений. Мы пока не знаем общую потерю и не знаем, кто получил время.

Никто не заговорил сразу.

Техник у стены снял очки и протёр их краем формы. Молодая медсестра посмотрела на собственные руки. Рая спросила:

— Как узнать, брали ли у меня?

— Полная биологическая оценка и сравнение со старыми данными. До неё — не подключаться к автоматическому контуру.

— Нер уже велел снять вашу независимую линию, — сказал врач ожогового блока. — Пять минут назад.

Лада крепче прижала бумаги к груди.

— Он ещё не дошёл до хроновой.

Они побежали вниз.

У дверей хроновой стояли двое охранников клиники. Между ними Кай Нер вводил административный ключ в гнездо опечатанного разъёма. Белая печать Башни ещё держалась, но по краю уже пошла трещина.

— Остановитесь, — сказал Рен.

Нер не обернулся.

— Вы отстранены от действий с узлом.

— Как и заведующая. Но печать принадлежит Башне.

— Директор восстановил штатный режим.

— Директор не уполномочен снимать внешнюю техническую печать.

— У клиники не может быть оборудования, недоступного её главному хронологу.

Он повернул ключ. Печать лопнула с сухим звуком.

В тот же миг Рен прижал ладонь к своему знаку. По коридору прошёл белый импульс, и разъём погас. Не только опечатанный — вся центральная панель. Аварийные лампы вспыхнули янтарным.

— Что вы сделали? — спросил Нер.

— Зафиксировал несанкционированное вскрытие и отключил внешний канал от сигнала Башни.

— Вы оставили клинику без резерва.

— Резерв уже показывал ноль, — сказала Мира.

— Вы не знаете, как работает система.

— Тогда покажите карту.

Нер наконец повернулся к ней.

— Какую карту?

— Карту источников. Где указано, от кого служебный контур получает время, как рассчитывается цена и кто дал согласие.

— Такой карты не существует. Потоки динамические.

— Значит, вы требуете включить устройство, цену которого не можете назвать.

Позади Мира собирались сотрудники. Коридор был слишком узким для такого количества людей; кто-то стоял на лестнице, кто-то выглядывал из поста. Нер увидел их и сменил тон.

— Коллеги, прошу не поддаваться тревоге. Речь идёт о расчётной погрешности в одной процедуре. Клиника никогда не изымала время у сотрудников сверх условий трудового договора.

— Сколько именно разрешает договор? — спросила Рая.

— Допустимую служебную долю.

— В часах, — сказала Лада. — Или днях.

— Это зависит от нагрузки и должности.

— Моя должность какая? — спросил санитар. — Я таскаю капсулы. Сколько за это можно взять из меня без спроса?

Нер поднял ладонь.

— Все получают разъяснения после комиссии.

— А до комиссии? — спросила Рая.

Из приёмной раздался тройной сигнал экстренного вызова.

Толпа расступилась прежде, чем Мира успела приказать. Профессиональная привычка оказалась сильнее страха. По коридору везли мужчину в шахтёрской куртке; ткань на груди была разрезана, лицо серое от боли. Фельдшер на ходу перечислял: обрушение в северной выработке, сдавление таза, внутреннее кровотечение, запас восстановления — девять минут и падает.

— В операционную, — сказала Мира.

Нер шагнул перед каталкой.

— Центральный узел обесточен.

— Независимая линия работает.

— Я запретил её использование.

Мира посмотрела на часы пациента. Тонкая стрелка дрожала между девятью и восьмью минутами.

— На каком основании?

— Потери преобразования выше нормы.

— Они известны и сообщаются донору. Это больше, чем вы можете сказать о штатном режиме.

— Нет времени искать донора.

— Есть восемь минут.

Она повернулась к сотрудникам.

— Нужна совместимая группа, безопасная доля — не больше двух минут с человека до оценки. Только добровольно. Отказ не фиксируется в кадровой системе и не требует объяснений.

Несколько рук поднялись сразу.

— Опустите, — резко сказала Мира. — Сначала совместимость и личный запас. Лада, быстрые пробы. Рая, готовь операционную. Рен, проверь независимую линию после импульса отключения.

— Вы отстранены от административных решений, — напомнил Нер.

— Это медицинское решение у постели пациента.

Она пошла рядом с каталкой. Шахтёр был в сознании. Его губы шевельнулись.

— Не берите у сына.

— Сына здесь нет, — сказала Мира. — И без вашего участия никого не подключат.

Он попытался кивнуть.

У дверей операционной Рен догнал её. В руке он держал измерительный диск.

— Линия цела, но после отключения Башни предел придётся удерживать вручную.

— Сможешь?

— Да. Но если Нер включит центральный узел локально, контуры могут пересечься.

— Не дай ему включить.

— Это опять звучит так, будто ты распоряжаешься Башней.

— А ты опять выбираешь момент для точности.

На секунду у его рта появилась почти улыбка.

— Я удержу внешний канал закрытым. Локальный ключ у тебя.

Мира коснулась кармана. Холодный металл был на месте.

— Тогда работаем.

За стеклом Лада уже ставила пробы сотрудникам. На табло появились первые результаты совместимости. Один доброволец не подходил, у второго запас оказался ниже безопасного порога. Рая подошла третьей: сорок девять лет, стабильный индекс, допустимая доля — полторы минуты.

— Я согласна, — сказала она.

— Потеря может составить до двух минут десяти секунд с учётом преобразования, — прочитала Лада. — Передача необратима. Отозвать согласие можно до начала потока.

— Согласна.

Мира смотрела, как Рая собственноручно ставит подпись. Простое движение заняло четыре секунды. Четыре секунды, которых не было в прежней схеме.

Следом подошли техник и врач ожогового блока. Три малые доли давали пациенту меньше пяти минут, но этого могло хватить, чтобы пережить остановку кровотечения. Не герой. Не безымянный пул. Три человека, каждый знающий цену.

Мира вошла в операционную. Перед тем как дверь закрылась, она увидела директора Севена в конце коридора. Он смотрел на подписанные формы и на сотрудников, которые больше не спрашивали, существует ли цена. Они спрашивали, сколько она составляет и кто имеет право согласиться.

На карте совета этих вопросов не было.

Но теперь они появились в руках людей.

Глава 4. Бывший муж в операционной

Первую минуту Раи Мира потратила за сорок секунд.

Золотая линия на венце дрогнула, разделилась на два потока и вошла в тело шахтёра через пластины у ключиц. Стрелка его запаса поднялась от пяти минут к шести, задержалась и снова поползла вниз. Кровь продолжала собираться за брюшиной быстрее, чем отсос успевал убирать её с операционного поля.

— Давление семьдесят на сорок, — сказала Лада.

— Зажим.

Рая стояла за стеклом донорской кабины. Она сняла колпак, чтобы контактная дуга касалась кожи, и теперь была видна широкая седая полоса в её волосах. Мира знала, что полоса появилась задолго до сегодняшнего утра. Всё равно взгляд цеплялся за неё как за предупреждение.

— Поток на пределе, — сообщил Рен от панели независимой линии. — Ещё двадцать секунд до отсечки доли.

Он вошёл в операционную в защитном халате поверх формы Башни. Формально ему здесь не было места. Практически только он умел удерживать контур без эталонного сигнала после отключения центрального канала.

— Нам нужна вся заявленная доля, — сказала Мира.

— Получишь две минуты десять секунд потери донора. Не больше.

— Я говорю о времени пациента.

— А я обязан говорить о времени Раи.

Прежде они ссорились бы уже после первой реплики. Теперь Мира только кивнула. Его граница позволяла ей не следить ещё и за донорской кабиной.

— Отсечка, — сказал Рен.

Золотая линия оборвалась. Рая покачнулась, но осталась на ногах. Лада переключила контур на техника Ома. Новый поток вошёл с задержкой в четыре секунды.

— Почему провал? — спросила Мира.

— Ручная синхронизация.

— Сократи до двух.

— Без Башни не получится.

— Тогда предупреждай перед переключением.

Мира нашла разрыв сосуда. Кость раздробила артерию неровным краем; обычный шов не удержался бы. Нужно было поставить временный мост, остановить кровотечение и только потом собирать таз.

— Протез четыре миллиметра.

Лада подала трубку.

За дверью кто-то громко потребовал открыть операционную. Голос Нера приглушался стеклом, но слова разобрать было можно:

— Центральная калибровка восстановлена. Немедленно подключите узел к штатной сети.

Рен не обернулся.

— Внешний канал закрыт Башней.

— Я запустил локальный эталон.

Белая нить на его измерительном диске рванулась вправо.

— Мира, останови поток.

— У пациента четыре минуты.

— В линию входит второй ритм.

- Источник?
- Центральный узел.
- Он физически отключён.
- Нер обошёл печать через диагностический порт.

На венце появилась ещё одна золотая дуга. Она шла навстречу донорскому потоку, слишком ровная, слишком мощная. Стрелка пациента вдруг подпрыгнула сразу на три минуты.

Лада выдохнула:

- Резерв заработал.
- Нет, — сказал Рен. — Это не резерв.
- Он протянул руку к аварийному размыкателю.
- Не трогай, — сказала Мира.
- Чужой поток вошёл без совместимости.
- Он держит пациента.
- И может сжечь его часы при наложении ритмов.
- Дай мне сорок секунд поставить мост.
- У нас может не быть сорока.

На мониторе возникла частая рябь. Сердечный ритм шахтёра совпадал с пульсацией венца, затем начал отставать. Мира увидела, как края сосуда сереют. Восстановление шло быстро, но неправильно: ткань затягивалась вокруг осколка, который она ещё не успела удалить.

- Тридцать секунд, — сказала она.
- Мира.
- Если разомкнёшь сейчас, он истечёт кровью.
- Если не разомкну, контур закрепит повреждение.
- Она ненавидела его за то, что он был прав в момент, когда правота могла убить человека.
- Лада, готовь ручное пережатие. Рен, по моей команде.
- Команда должна быть сейчас.

Мира ввела протез в сосуд. Один край лёг правильно, второй соскользнул под костный отломок. Давление упало до шестидесяти.

- Сейчас, — сказал Рен.
- Белая нить на его диске стала красной.
- Он ударил по размыкателю, не дожидаясь Миры.
- Свет погас.

В тишине было слышно, как кровь падает в металлический лоток. Затем включились автономные лампы, резкие и синие. Венец над пациентом застыл. Стрелка запаса легла на отметку в две минуты.

- Пережимаю, — сказала Лада.

Её пальцы были на месте раньше слов. Мира вытащила протез, убрала осколок и снова вошла в сосуд. Без ускоренного восстановления руки шахтёра синели. Монитор отсчитывал редкие удары.

- Рен, верни добровольный поток.
- Контур смешан. Нужно очистить линию.
- Сколько?
- Девяносто секунд.
- У него две минуты.
- Именно поэтому нельзя тратить их на несовместимый ритм.

За стеклом Ома сняло с контактной дуги автоматическим замком. Третий доброволец, врач ожогового блока, уже входил в кабину.

Мира наложила первый шов. Игла скользила в ткани, которая больше не помогала ей сама. Второй. Третий.

- Давление пятьдесят, — сказала Лада.
- Раствор быстрее.
- Быстрее уже нельзя.
- Тогда кровь.
- Его группа редкая. Осталась одна доза.
- Ставь.

Рен открыл нижнюю панель венца. Его перчатки мешали тонкой работе; он сорвал их и полез пальцами между горячими пластинами.

- Ты обожжёшься, — сказала Мира.
- Я знаю.
- Возьми инструмент.
- Не помещается.

Он работал левой рукой. На правой проступил красный след от калибровочной пластины. Мира заставила себя смотреть обратно в рану.

- Сорок секунд, — сказал он.
- У пациента сорок пять.
- Это не одно и то же время.
- Сегодня особенно не одно.

Последний шов лёг. Мира отпустила зажим. Сосуд наполнился кровью, но у дальнего края выступила тонкая алая капля.

- Течёт, — сказала Лада.
- Вижу.

Запас пациента: тридцать восемь секунд.

Мира наложила дополнительный шов. Ткань рвалась. Без восстановительного потока она была слишком повреждена, чтобы держать иглу.

- Линия чиста, — сказал Рен. — Подключаю названного донора.
- Подключай.
- Подтвердите согласие! — крикнул он в кабину.
- Врач ожогового блока прижал ладонь к стеклу.
- Подтверждаю две минуты предельной потери.
- Рен повернул ручной ключ.

Золотой свет вернулся не сразу. Сначала по линии прошёл слабый импульс, затем второй. Стрелка пациента застыла на двенадцати секундах и медленно поднялась.

- Ткань под иглой порозовела.
- Держит, — сказала Лада.

Мира не поверила слову, пока не увидела сама: край сосуда сомкнулся вокруг нити, кровотечение прекратилось. Давление поднялось до шестидесяти пяти.

— Поток стабильный, — сообщил Рен. — Одна минута сорок потери донора. Пациент получил пятьдесят две секунды.

- Этого хватит.
- Тебе или ему?
- Нам обоим закончить операцию.

Рен посмотрел на неё поверх маски. В его глазах ещё стоял страх от того мгновения, когда он отключил венец вопреки её приказу.

- Я остановил поток без твоей команды, — сказал он.
- Потом.
- Это должно быть записано сейчас.

— Тогда говори Ладе. Она запомнит.

— Уже, — отозвалась Лада. — Время размыкания шесть пятьдесят девять и четырнадцать секунд. Основание: наложение несовместимого ритма и патологическое восстановление ткани.

Мира закончила сосудистый этап. Шахтёр оставался тяжёлым, но стрелка больше не падала к нулю. Анестезиолог поднял большой палец.

— Стабилизирован. Можно собирать таз.

Только тогда Мира позволила себе отступить от стола на полшага.

— Рен, что это было?

— Локальная калибровка Нера открыла сохранённый маршрут отвода. Поток пришёл не из фонда, а через тот же скрытый адрес.

— От кого?

— Не знаю. Подпись источника стёрта.

— Но время было настоящим.

— Да.

— Чьё-то.

— Да.

За дверью снова ударили ладонью.

— Откройте! — требовал Нер. — Вы сорвали калибровку и едва не убили пациента!

Мира посмотрела на неподвижную стрелку шахтёра, на обожжённую руку Рена, на три формы согласия, прикреплённые к панели.

— Он прав в одном, — сказала она. — Ты едва не сорвал лечение.

— Знаю.

— Если бы сосуд не выдержал...

— Я знаю.

— Не перебивай меня этим своим «знаю».

Он опустил взгляд.

— Хорошо.

— Ты принял решение за столом, которым не управляешь.

— Потому что несовместимый поток уже менял ткань. Ещё двадцать секунд — и восстановление могло закрыть сосуд вместе с осколком.

— Я просила тридцать.

— Я видел ритм, которого не видела ты.

— А я видела кровотечение, которого не видел ты.

Между ними лежал пациент, и это делало спор одновременно невозможным и необходимым.

— Что должен был сделать каждый из нас? — спросил Рен.

Мира не ожидала вопроса. Раньше он объяснил бы своё решение до конца, выстроил доказательство и оставил ей только согласиться или уйти.

— Я должна была назвать не время, которое мне нужно, а этап, после которого можно отключать, — сказала она. — Ты должен был предупредить, сколько секунд осталось до необратимого повреждения.

— Оставалось меньше десяти.

— Тогда ты должен был отключить.

Слова дались тяжело. Они не делали пережитое менее страшным, зато возвращали разнице между властью и компетенцией точные границы.

— Запишем двойную команду, — сказала Мира. — Врач называет медицинскую точку остановки. Контролёр — технический предел. Действует более ранний.

— И любой обязан произнести основание вслух.

— Да.

Лада подняла голову от операционного поля.

— Вы сейчас составляете протокол посреди операции?

— Чтобы не повторить ошибку в следующую минуту, — ответила Мира.

— Тогда добавьте: главный хронолог не имеет права проводить калибровку во время активного потока.

— Это уже запрещено городским регламентом, — сказал Рен.

— Видимо, недостаточно разборчиво.

Они закончили через два часа. Шахтёр потерял много крови, но сосуд держался, внутреннее кровотечение остановили, таз стабилизировали. Общий полученный запас составил четыре минуты семь секунд. Трое доноров потеряли пять минут сорок одну секунду. Каждая доля стояла в карте рядом с именем.

Мира перечитала запись прежде, чем снять перчатки.

— Заблокируй автоматическую очистку.

— Уже сделала бумажные копии, — сказала Лада.

— Я просила заблокировать.

— Доступ у Нера.

Рен приложил знак Башни к журналу.

— Теперь у записи внешний контрольный след. Удалить можно, но исчезновение будет видно.

Дверь открыли. Кай Нер вошёл первым, за ним директор и двое членов городской комиссии в белых плащах. Нер увидел показатели пациента и на мгновение утратил уверенность, но быстро вернул её.

— Вы использовали несертифицированный контур после прямого запрета.

— Именованный донорский контур, собранный по аварийному разделу регламента Башни, — сказал Рен.

— Вы отключили питание во время операции.

— Я разомкнул незаконную калибровку, которую вы запустили через диагностический порт.

Один из членов комиссии, женщина с короткими серебряными волосами, протянула руку.

— Журнал событий.

Рен передал ей диск.

— Локальный ритм вошёл в активную линию в шесть пятьдесят восемь и сорок девять секунд. Подпись источника отсутствует. Маршрут совпадает со вчерашним отводом.

— Это была попытка восстановить штатный режим, — сказал Нер.

— Во время активной передачи?

— Я не получил уведомления о её начале.

Лада рассмеялась коротко и зло.

— Вы стояли у двери и требовали подключить центральный узел.

— Ординаторка не является независимым свидетелем.

— Зато запись панели является, — сказала Мира. — И пациент. Его ткань начала патологически восстанавливаться вокруг костного отломка после вашего сигнала.

Комиссия просмотрела монитор. Женщина в белом плаще увеличила фрагмент кривой.

— Почему вы не дождались медицинской команды на размыкание, астроном Ардо?

— Технический предел наступал раньше названной врачом точки. Я оценил риск несовместимого потока как большой.

— Результат мог быть смертельным.

— Мог.

— Вы признаёте нарушение субординации?

— Признаю действие без команды хирурга. Не признаю, что должен был оставить опасный контур включённым.

Он не пытался сделать себя победителем. Стоял с красной ладонью и принимал обе части решения: спасительную и почти гибельную.

Мира подошла к комиссии.

— Я подтверждаю, что размыкание было технически необходимо. И подтверждаю, что отсутствие общего протокола едва не стоило пациенту жизни. Мы сформулировали правило двойной команды и применили его до конца операции.

— Вы не уполномочены менять городской протокол, — сказал директор.

— Я уполномочена не повторять опасную ошибку у следующего стола.

Женщина в белом плаще перевела взгляд с Мира на три подписанные формы.

— Почему доноров трое?

— Безопасные доли, — ответила Мира. — Никто не потерял больше согласованного предела.

— Это снизило эффективность.

— Пациент жив.

— За счёт почти шести минут сотрудников.

— Не сотрудников. Раи Вест, Ома Ли и Тарена Гроса. Их имена, показатели, пределы и подписи здесь. Они могли отказаться.

Член комиссии провела пальцем по строкам. Рядом лежала штатная карта Наи с безымянным служебным контуром.

Разница занимала один лист.

— До окончания проверки, — сказала она, — центральный узел остаётся отключённым. Независимая линия разрешена только по вашему временному правилу двойной команды и с именованными донорами. Главный хронолог Нер сдаёт административные ключи комиссии.

Севен резко повернулся к ней.

— Три района останутся с ограниченной помощью.

— Тогда предоставьте карту источников штатного резерва и докажите его безопасность.

— Такой карты нет в оперативном формате.

— Создайте.

Нер положил ключ на край панели. Механический, с медными зубцами. Рядом Мира положила свой — только на секунду, чтобы комиссия сверила номер, — и сразу убрала обратно.

Когда все вышли, Рен сел на низкую скамью у мойки. Адреналин отпускал его быстро: пальцы начали дрожать.

— Покажи руку, — сказала Мира.

— Поверхностный ожог.

— Мы уже спорили об этом.

— И, насколько помню, спор не помог.

— Тогда ты был моим мужем и мог отказаться от домашнего лечения. Сейчас ты участник производственной аварии в моём отделении.

— Ты отстранена от управления отделением.

— Но не от медицины.

Он протянул руку.

Мира промыла ожог и нанесла прозрачную восстанавливающую плёнку. Прикосновения были точными, короткими. Она не позволяла памяти назвать их нежностью. Рен тоже молчал.

— Больно? — спросила она.

— Да.

Раньше он сказал бы «терпимо», чтобы не добавлять ей заботы. Маленькая честность подействовала сильнее признания.

— Через два часа сменить плёнку.

— Я запомню.

— Запиши.

Он внёс напоминание в хронометр.

У выхода Мира остановилась перед картой потоков, которую комиссия временно вывела на стену. Новый сигнал Нера был отмечен золотой линией. Она начиналась за пределами клиники, проходила через скрытый узел и обрывалась там, где должна была стоять подпись донора.

Однако перед обрывом сохранился фрагмент ритма: короткий, короткий, длинный.

Рен увеличил его.

— Ты узнаёшь? — спросила Мира.

— Это служебная метка ночной смены.

— Нашей?

— Всей клиники.

За ночь работали сто восемьдесят три человека.

Мира вспомнила, как Лада отвела глаза при словах о биологической оценке.

Цена шахтёра была записана в карте. Цена сигнала, который едва его не убил, снова пряталась среди сотрудников.

— Найди имена подключённых, — сказала она.

— Без архива фонда это займёт время.

— Тогда начни с тех, кто боится обследования.

Рен посмотрел на неё.

— Ты думаешь о Ладе.

— Я думаю обо всех. Но начну с неё.

Глава 5. Лада считает седые волосы

Ладу нашли не в комнате отдыха и не в лаборатории оценки возраста. Она сидела на полу в бельевой, между тележками с чистыми простынями, и считала волосы.

На коленях лежало круглое зеркальце из аварийного набора. Лада отделяла тонкие пряди у виска, рассматривала корни под светом служебной лампы и ставила карандашные чёрточки на обёртке от стерильных перчаток.

Мира остановилась в дверях.

— Сколько?

Лада вздрогнула, но зеркальце не спрятала.

— Седых? Двадцать семь слева. Справа сбилась на девятнадцати.

— Я спрашиваю о времени.

— А я отвечаю на вопрос, на который пока могу ответить точно.

За стеной катили каталку. Колёса один раз ударились о стык плит, кто-то негромко выругался, затем коридор снова наполнился обычным больничным гулом. После операции шахтёра прошло меньше часа. Мира ещё чувствовала в пальцах сопротивление сосудистой нити.

Она закрыла дверь, но осталась стоять.

— Полная оценка займёт двенадцать минут.

— Семнадцать, если прибор старый.

— Я возьму новый.

— И что потом?

Лада подняла лицо. Ей было двадцать семь, однако под глазами залегли две сухие тени, которых Мира прежде не замечала или не позволяла себе заметить. Несколько седых волос ничего не доказывали. Люди сидели и в двадцать, и в сорок. Дрожь пальцев могла быть следствием бессонной ночи. Но Лада считала не волосы. Она считала доказательства, которые можно было не заносить в карту.

— Потом узнаем ущерб, — сказала Мира.

— Нет. Потом вы отстраните меня от операций.

— Если твой запас восстановления опасно снижен, ты не должна работать у активного контура.

— Вот. Вы уже решили.

— Я ещё ничего не решила.

— Вы сказали «не должна».

Лада сложила обёртку пополам, спрятав чёрточки. Движение получилось слишком спокойным.

— Когда Ная поступила, — продолжила она, — вы подключили себя, хотя не знали собственной цены. Когда началась операция шахтёра, вы остались за столом после ночной смены. А мне предлагаете безопасность сразу, как только цена может оказаться моей.

Мира хотела возразить, что заведующая отвечает за отделение, что её навыки нельзя заменить посреди вмешательства, что Лада ещё ординаторка. Каждая фраза была правдой. Вместе они складывались в удобную ложь: будто должность давала Мире больше права рисковать собой и меньше обязанности замечать риск других.

— Когда это началось? — спросила она.

— Волосы?

— Потери.

Лада посмотрела на закрытую дверь.

— После зимней аварии на мосту. В ту ночь привезли двадцать шесть человек. Резерв всё время показывал зелёный предел. Наутро у меня болели суставы, хотя я только держала венец и меняла кассеты. Я решила, что замёрзла в приёмном шлюзе.

— Это было восемь месяцев назад.

— Двести сорок три дня.

Значит, Лада считала давно.

— Что ещё?

— После каждой тяжёлой смены я записывала температуру, пульс и длину цикла сна. Потом добавила скорость заживления порезов. В марте перестала различать мелкий шрифт после полуночи. В мае впервые нашла седой волос. Сегодня их не двадцать семь. Я просто каждый раз выбираю участок, на котором число не пугает.

— Почему ты не пришла ко мне?

Лада усмехнулась без радости.

— Пришла. Двадцать второго марта. Вы спали сидя у третьего поста. Я сказала, что после дежурств у меня не проходит слабость. Вы спросили, теряю ли я сознание. Я сказала, что нет. Вы велели сдать обычную кровь и взяли следующую карту.

Мира помнила тот март только как череду переполненных палат. Не помнила разговора. Это было хуже, чем если бы она сознательно отказала.

— Анализ был нормальным, — сказала Лада. — Я решила, что вы правы и я просто не выдерживаю темп.

— Я не была права.

— Вы не проверили.

— Да.

Признание не исправило восемь месяцев. Но Лада перестала складывать обёртку и посмотрела прямо на неё.

— Сколько ты насчитала сама? — спросила Мира.

— По косвенным признакам — от девяти месяцев до года и двух.

— Такой разброс бесполезен.

— Поэтому я и не написала его в карте.

— Зато носила одна.

— Не одна. Вместе со всеми, кого вы называете командой, когда нужна лишняя смена, и пациентами, когда нужно объяснить, зачем лишняя смена была нужна.

Мира села напротив, на перевёрнутый контейнер для белья. Он был слишком низким, колени оказались выше бёдер. В этой нелепой позе труднее было изображать заведующую.

— Я не поведу тебя на оценку силой.

— У вас и нет такого права.

— Ещё вчера я думала, что есть.

— А сегодня?

— Сегодня выяснилось, что клиника семь лет считала наши тела частью оборудования. Я не стану прекращать это тем же способом.

Лада провела большим пальцем по краю зеркала.

— Но у стола вы меня не оставите.

— Пока не узнаю, безопасно ли это для тебя и пациента, не оставлю у активной передачи. Можешь работать на диагностике, в обычной хирургии, вести карты, участвовать в решениях. И можешь оспорить моё ограничение перед комиссией.

— Очень щедро.

— Не щедро. Проверяемо. Я дам основание письменно, срок до конца оценки и способ обжалования. То же должно действовать для меня.

Лада нахмурилась.

- Вас кто отстранит?
- Ты, если показатели выйдут за предел.
- Вы не слушаетесь.
- Тогда позовёшь комиссию.
- И больше никогда не попаду в вашу операционную.

Мира почувствовала, как внутри поднимается привычное раздражение: она не мстила ученикам, не наказывала за возражения, не требовала благодарности. Но Лада говорила не о том, какой Мира считала себя. Она говорила о власти, которой та располагала.

— Поэтому решение не должно зависеть от моей доброй воли, — сказала Мира. — Запишем правило сейчас.

- Протокол в бельевой?
- Сегодня удачный день для протоколов в неподходящих местах.
- Уголок рта Лады дрогнул. Не улыбка, но память о ней.

Мира вынула из кармана бумажную карту. Электронной системе после утреннего удаления записей она больше не доверяла.

— Правило взаимного предела. Любой участник контура имеет право потребовать биологическую оценку другого, если видит признаки потери. До результата — работа без передачи времени. Решение фиксируется, имеет срок и обжалуется у независимого врача.

— «Любой участник» включает ординатора?

- Да.
- И заведующую?
- Особенно заведующую.
- Тогда я требую вашу полную оценку.

Карандаш Миры замер над бумагой.

Лада ждала.

— Принимается, — сказала Мира и дописала: «Требование Лады Вир к Мире Таль — немедленно после оценки Лады».

- Почему после моей?
- Потому что я пришла за тобой первой.
- Это не медицинское основание.
- Потому что твоя предполагаемая потеря больше.
- Вот теперь основание есть.

Мира поставила подпись и передала карандаш. Лада прочитала каждую строку, добавила: «Результат не является основанием для увольнения или лишения обучения», — и подписалась.

- Это нам не разрешат, — сказала она.
- Значит, заставим их отказать письменно.

В коридоре появился Рен. Он постучал уже после того, как приоткрыл дверь, увидел их на полу и снова прикрыл её до узкой щели.

— Мне войти или уйти?

Мира посмотрела на Ладу.

— Войти, — решила та. — Если он пришёл как контролёр Башни. Не как бывший муж заведующей.

Рен вошёл и остался у двери.

— Я нашёл фрагменты списка ночной смены. Индивидуальные подписи стёрты, но группы сохранились. Ординаторы экстренного отделения подключались к скрытому отводу не меньше девятнадцати раз за восемь месяцев.

Лада закрыла глаза.

— Можно восстановить мою долю?

— Приблизительно. Для точного значения нужна биологическая оценка и сопоставление ритма.

— Кто увидит результат?

— Ты. Врач, которого ты выберешь. Я — только если разрешишь сопоставление. Комиссия может получить итоговый объём без медицинских подробностей.

— А Мира?

Рен не ответил за неё.

— Только если ты разрешишь, — сказала Мира.

Лада убрала зеркальце в карман.

— Тогда идём.

Лаборатория оценки находилась двумя этажами ниже, в старом крыле, где стены ещё были облицованы матовым стеклом. Новый прибор комиссия опечатала вместе с центральным узлом, поэтому Рен принёс переносной эталон Башни, а Лада выбрала врачом Раю Вест.

Рая пришла прямо из послеоперационной палаты шахтёра. Она выслушала правила, выгнала Миру и Рена за стеклянную перегородку и закрыла звук. Это задело Миру сильнее, чем следовало. Она увидела это чувство и не стала превращать его в основание войти.

За стеклом Лада сняла часы с запястья и положила ладонь в световой круг. Рая закрепила датчики у локтя, на шее и под нижним веком. Переносной эталон дал чистый полуденный импульс. По стеклянной трубке прибора побежала золотая полоса, отмечая не прожитые годы, а то, как тело восстанавливается после повреждения.

Рен стоял рядом, держа обожжённую руку поверх новой плёнки.

— Ты сменил повязку, — сказала Мира.

— Записал — значит, вспомнил.

— Не всегда.

— У меня срабатывает чаще, чем у тебя.

Она повернулась к нему.

— Сейчас не время.

— Я говорю не о нас. Ты знала, что Лада обращалась к тебе в марте?

— Она сказала.

— И?

— Я пропустила.

Рен не стал утешать её усталостью или числом пациентов.

— Что ты сделаешь с этим знанием?

— Не позволю ему стать красивым сожалением.

Внутри лаборатории Рая попросила Ладу встать. Та поднялась слишком быстро, качнулась и ухватилась за край стола. Золотая полоса раздробилась на мелкие отсечки.

Мира шагнула к двери. Рен не удержал её, только спросил:

— Тебя звали?

Она остановилась.

Рая усадила Ладу, проверила пульс и продолжила исследование. Через несколько минут открыла внутреннюю шторку и подняла лист с вопросом: «Сопоставление разрешено?»

Лада кивнула. Рен подсоединил эталон к изолированному архиву. На его экране появились девятнадцать полос разной длины. Одни отнимали у ординаторов часы, другие — дни. Самая широкая соответствовала ночи аварии на мосту.

Программа не показывала имён, пока Лада не приложила ладонь к подтверждающей пластине.

Тогда девять полос вспыхнули одновременно.

Рен тихо выдохнул.

— Что? — спросила Мира.

— Её ритм есть в девяти передачах. Две система оформила как учебную нагрузку. Четыре — как калибровочную погрешность. Три вообще не попали в кадровый журнал.

— Общая потеря?

— Прибор ещё считает.

За стеклом Лада смотрела не на экран, а на свои руки. Рая что-то сказала ей и дождалась ответа, прежде чем снова коснуться датчика. Мира различила по губам: «Продолжать?» Лада сказала: «Да».

Цифры остановились.

Одиннадцать месяцев, три дня, шесть часов.

Мира пересчитала их дважды. Почти год здорового восстановления был вынут из двадцатисемилетней женщины мелкими долями, ни одна из которых не выглядела катастрофой в отдельности.

Рен открыл детализацию.

— Из них пациентам дошло сорок два часа. Остальное ушло в калибровочный отвод.

— Куда?

— Без архива фонда не определить.

Дверь лаборатории открылась. Лада вышла сама, с листом в руке.

— Скажите вслух, — попросила она.

Мира поняла, что просьба обращена к ней.

— Клиника без твоего отдельного согласия забрала у тебя одиннадцать месяцев, три дня и шесть часов здорового восстановления. Пациенты получили сорок два часа. Остальное было отведено в скрытый канал.

— Не «клиника». Кто?

— Пока не знаем.

— Тогда так и запишите. Не прячьте человека за зданием.

Мира зачеркнула начало строки в бумажной карте и написала: «Неустановленные распорядители скрытого контура».

— Я должна была заметить раньше, — сказала она.

— Да.

— Я не заметила. И когда ты пришла, не назначила нужное исследование.

— Да.

— Я прошу прощения.

Лада долго смотрела на неё.

— Я не знаю, прощаю ли.

— Тебе не нужно решать сейчас.

— И всё же вы запретите мне контур.

Рая встала рядом с Ладой.

— Я запрещу, — сказала она. — На семьдесят два часа, до повторной оценки и расчёта безопасного предела. Как выбранный тобой врач. Не Мира.

Лада сжала лист, потом расправила его ладонью.

— Хорошо. Семьдесят два часа.

— С правом пересмотра через сорок восемь, если показатели стабилизируются.

— Хорошо.

Мира протянула ей проект взаимного предела.

— Теперь моя оценка.

— Сначала ещё одно условие, — сказала Лада. — Я участвую в создании журнала реальной цены. Не переписываю ваши решения, а решаю вместе с вами, какие поля обязательны.

— Ты проходишь лечение.

— Я отстранена от передачи, не от головы.

Рая кашлянула, скрывая улыбку.

— Вместе, — согласилась Мира. — И у тебя будет отдельная подпись, не графа ординатора под моей.

— Тогда требование вашей оценки остаётся в силе.

Мира вошла в лабораторию. Теперь за стеклом стояла Лада, и это меняло вес каждого движения. Рая закрепила датчики. Холодный круг лёг на ладонь.

— Готова? — спросила она.

Мира посмотрела на Ладу. Та не прятала ни седину, ни злость, ни страх.

— Да.

Когда полуденный импульс прошёл через тело, Мира впервые ощутила собственный запас не как то, чем она вправе распорядиться, а как показатель, за которым следит другой член команды.

Через семнадцать минут они вышли из лаборатории с двумя заключениями и черновиком нового правила. Лада шла медленнее обычного, но не позади Миры.

У лифта она достала обёртку от перчаток, разорвала её по сгибу и выбросила половинки в разные контейнеры.

— Больше не считаешь? — спросила Мира.

— Теперь есть число точнее.

— Оно страшнее.

— Зато принадлежит мне.

Двери лифта раскрылись. Внутри ждали двое санитаров и женщина в форме городской комиссии. Она увидела заключение в руках Лады.

— Результаты оценки передать администрации, — сказала она.

Лада прижала лист к груди.

— Итоговый объём — да. Медицинские подробности — только с моего согласия.

Женщина посмотрела на Миру, ожидая, что заведующая поправит ординаторку.

— Именно так, — сказала Мира.

Они вошли в лифт рядом.

Глава 6. Городской резерв

Городской резерв занимал три подземных этажа и не содержал ни одного часа.

Мира поняла это не по приборам. Приборы как раз сияли ровным зелёным светом. Вдоль стен хранилища тянулись медные жилы, за матовым стеклом вращались счётные кольца, на центральном циферблате стояло число, способное успокоить целый город: одиннадцать лет, четыре месяца, девять дней.

Но в зале было слишком тихо.

Настоящее время, приготовленное для передачи, никогда не молчало. Даже в запечатанном сосуде оно отзывалось на живое тело: ускоряло пульс, давало привкус металла, заставляло старые шрамы чесаться. Здесь Мира слышала лишь вентиляторы и сухой ход демонстрационных колёс.

— Не прикасайтесь к контуру, — предупредила представительница комиссии, открывшая им нижний шлюз. — До окончания описи любой контакт считается вмешательством в доказательства.

— Мне не нужно касаться, — сказала Мира. — Он пуст.

Рен стоял у порога с переносным эталоном под обожжённой рукой. Лада сидела наверху, в комнате наблюдения: запрет Раи не позволял ей входить в активный контур, зато не запрещал читать архив. На стекле возле Миры появилось её сообщение.

«Попросите контрольный импульс без запроса времени».

Мира повторила просьбу вслух.

Представительница комиссии — Аста Рой, как значилось на серой нашивке, — нахмурилась.

— Это зачем?

— Чтобы отличить запас от нарисованного числа, — ответил Рен.

Аста разрешила. Он поставил эталон на каменный бортик и послал в хранилище слабый полуденный импульс. Медные жилы вспыхнули одна за другой. Счётные кольца ускорились. Центральный циферблат прибавил две секунды, будто резерв ответил на проверку.

Тело Миры не почувствовало ничего.

— Обратного отклика нет, — сказала она.

— Есть, — возразила Аста, указывая на прибор.

— На приборе есть. В сосуде нет.

Рен развернул экран эталона. Входящий импульс вернулся тем же рисунком, только ослабленным, как свет от зеркала.

— Контур отражает проверку, — сказал он. — Не принимает её. Число на циферблате вычисляется отдельно.

Аста перестала спорить и потребовала открыть архив обслуживания.

Доступ им дали не сразу. Директор Эвар Севен прислал двух юристов, главный хронолог Кай Нер — письменное возражение, а городское управление здоровья ответило, что ключ хранится в Башне Полудня. Рен показал ключ Башни. Тогда оказалось, что нужен второй, клинический. Севен заявил, что его забрала комиссия. Аста молча вынула его из кармана.

Два ключа повернулись одновременно.

За центральным циферблатом открылся узкий шкаф. Внутри лежали бумажные журналы — слишком новые для семилетнего архива — и семь прозрачных пластин памяти, по одной на каждый год. Первая была помечена датой, которую Мира помнила без календаря: ночь обрушения северной галереи. Тогда клиника приняла сто двадцать раненых, а городской резерв впервые спас больше людей, чем могли вместить операционные.

Она сама рассказывала молодым врачам об этой ночи как о доказательстве, что система работает.

— С какой пластины? — спросила Аста.

— С первой, — сказала Мира.

— С последней, — одновременно произнёс Рен.

Они посмотрели друг на друга.

— Если подмена началась недавно, последняя покажет действующий способ, — объяснил он.

— Если фонд пуст семь лет, первая покажет момент, когда это решили скрыть.

На стекле вспыхнуло сообщение Лады.

«Обе. Я сравню структуру».

Аста впервые улыбнулась.

Пластины нельзя было читать в хранилище: их импульс мог смешаться с контуром. Они поднялись в комнату наблюдения, где Лада уже разделила длинный стол на три зоны. Слева лежали подтверждённые документы, справа — копии, в середине она оставила пустое место для того, что ещё предстояло доказать. На её запястье вместо часов была белая лента медицинского ограничения.

— Как ты? — спросила Мира.

— Отстранена от передачи, не от головы, — напомнила Лада. — Пластину сюда.

Аста положила первую в изолированный считыватель. Рен подал импульс. На экране возникли столбцы: поступление, расход, остаток, поправка Башни.

В ночь обрушения остаток уменьшался честно. Одиннадцать лет превратились в восемь, потом в четыре, потом в месяцы. К рассвету в фонде оставалось три дня. В семь часов двенадцать минут хирургический совет запросил ещё девять часов для двух пациентов.

Фонд отдал их.

— Значит, он ушёл в отрицательное значение, — сказала Аста.

— Время не бывает отрицательным, — ответила Мира. — Если сосуд пуст, передача не состоится.

Лада приблизила строку источника. Там стояло: «Компенсационная поправка персонала». Без имён, пределов и согласий.

Следующий запрос оплатили дежурные бригады. Потом ещё один. К полуночи следующего дня фонд должен был показывать минус два месяца, однако в официальной графе снова появились одиннадцать лет и четыре месяца.

Рен наложил на запись ритм Башни.

— Вот момент подмены, — сказал он. — Не пополнение. Изменение способа счёта.

Лада вывела формулу на соседний экран. Номинальный остаток перестал означать сохранённое время. С этого часа программа показывала предполагаемую способность городской сети собрать нужную цену с подключённых людей.

— Они назвали резервом всех, до кого могли дотянуться, — тихо сказала Мира.

— Не всех, — возразила Лада. — Пока только персонал клиники. Смотрите коэффициент доступа.

В первый год в расчёт входили хирурги и хронологи. Во второй добавились ординаторы. В третий — медсёстры, лаборанты и санитары. Потом список расширился на технические службы. Человека включали не по согласию, а по числу смен возле активного узла. Чем чаще он подходил к контуру, тем большей считалась его «доступность».

Зелёное число на циферблате было не запасом. Оно было обещанием забрать.

Мира вспомнила, сколько раз показывала этот циферблат родственникам пациентов. Говорила: город предусмотрел худшее. Говорила: лечение обеспечено. В действительности худшее предусмотрели тела людей, которым даже не сообщили, что они стали фондом.

— Семь лет, — сказала Аста. — Но это доказывает только отсутствие накопленного запаса. Куда уходила разница между потерями доноров и временем пациентов?

Лада пододвинула пластину последнего года.

На ней было больше строк и меньше слов. Источники заменили кодами должностей, назначения — техническими сокращениями. Девять передач Лады терялись среди тысяч мелких изъятий. Рен нашёл скрытый отвод и развернул ветвление.

Поток делился на три части.

Первая доходила до пациента. Вторая гасила потери внутри плохо настроенных линий. Третья уходила в Башню Полудня под названием «стабилизация доверительного показателя».

— Доверительного? — переспросила Аста.

Рен медленно снял защитную плёнку с правой ладони. Ожог под ней потемнел по краям, но был чистым.

— Городские часы сверяются не только по звёздному ритму, — сказал он. — Для медицинской сети Башня поддерживает прогноз доступности помощи. Если прогноз падает ниже установленного порога, часы в больницах переходят из зелёного режима в янтарный. Ни одна сложная операция не может начаться без указанного источника.

— Разумное ограничение, — сказала Аста.

— Поэтому его и обошли. Скрытый отвод питал не пациентов. Он удерживал сигнал, убеждавший сеть, что источник существует.

Мира не сразу поняла.

— На это уходили месяцы Лады?

— Не сами месяцы целиком. Для поддержания ложной калибровки нужен живой отклик. Система снимала с персонала большой объём, малую часть отдавала пациенту, а остальное рассеивала через Башню, чтобы каждый следующий запрос снова видел зелёный резерв.

— Она тратила время, чтобы доказать, будто время у неё есть.

— Да.

Лада встала и подошла к экрану. Белая лента на её запястье коснулась стекла.

— Девять моих передач, — сказала она. — Сорок два часа получили пациенты. Сколько ушло на поддержание показателя?

Рен ввёл её ритм в фильтр.

— Девять месяцев и восемь дней. Остальное — потери линии.

Лада кивнула, словно услышала давно ожидаемое число. Потом села. Мира сделала шаг к ней и остановилась, не зная, будет ли прикосновение помощью или попыткой заглушить чужую реакцию.

— Я в порядке, — сказала Лада.

— Не обязана быть.

— Я и не сказала, что обязана. Я сказала, что могу продолжать.

Она выделила на экране все строки «стабилизации» и потребовала общий расчёт.

Считыватель работал девятнадцать минут. За это время юристы Севена трижды просили остановить анализ. Аста отклоняла запросы одним и тем же ответом: архив открыт по распоряжению комиссии, действия записываются, исходные пластины не изменяются.

Наконец появилось число.

За семь лет сотрудники клиники потеряли сто восемьдесят четыре года здорового восстановления. Пациенты получили одиннадцать лет и два месяца. Чуть больше двадцати лет рассеялось в линиях. Остальное Башня истратила на ложный зелёный сигнал.

Мира представила сто восемьдесят четыре года не числом, а телами: колени, которые раньше начали болеть; зрение, сдавшее после ночной смены; сердца, хуже переносившие лестницу; женщины и мужчины, считавшие это обычной ценой профессии. Она тоже так считала. Только называла цену усталостью, а не украденным временем.

Дверь комнаты наблюдения открылась.

Эвар Севен вошёл без юристов. Пиджак был застёгнут неправильно, будто директор одевался в лифте. За ним появился Кай Нер, бледный и собранный.

— Немедленно отключите считыватель, — сказал Севен. — Вы создаёте риск остановки городской помощи.

— Архив не связан с рабочей сетью, — ответила Аста.

— Дело не в сети. Если эти данные уйдут наружу, персонал откажется от контуров. Резерв рухнет не на экране, а в действительности.

— В действительности он рухнул семь лет назад, — сказала Мира.

Севен посмотрел на неё с усталой злостью.

— В ту ночь у нас были сто двадцать раненых. Город не прислал помощи. Башня отказала в новых операциях. Что вы предлагали сделать? Выбрать, каких детей и шахтёров не спасать?

— Предлагали кому? — спросила Лада.

Он будто только сейчас заметил её.

— Хирургическому совету.

— Персоналу, который стал источником, предлагали?

— Времени на собрание не было.

— Семь лет?

Нер шагнул вперёд.

— Временная мера не могла быть отменена без замены. Каждый год управление обещало восстановить фонд. Каждый год бюджет переносили. Если бы мы показали ноль, страховые кассы закрыли бы сложные программы, а лучшие врачи ушли бы в частные клиники.

— Поэтому вы забирали у тех, кто остался, — сказала Мира.

— Поэтому клиника продолжала лечить.

Нер говорил спокойно, и это делало его довод опаснее. Он не считал себя вором. Он считал себя человеком, согласившимся видеть цену, от которой другие отворачивались.

— Вы знали назначение скрытого отвода? — спросил Рен у Севена.

Директор помолчал.

— Я знал, что Башня требует стабилизацию.

— Знали, что для неё используется биологическое время персонала?

— Мне сообщили, что потери распределяются ниже порога измеримого вреда.

Лада рассмеялась. Коротко и без веселья.

— Одиннадцать месяцев ниже порога?

Севен увидел белую ленту на её руке.

— Ваш случай будет компенсирован.

— Чем?

Он не ответил. Переданное время нельзя было вернуть. Деньги не выращивали обратно здоровые месяцы. Повышение не замедляло старение.

— Кто утвердил формулу доступности? — спросила Мира.

Нер назвал семь членов прежнего совета, городского распорядителя и двух специалистов Башни. Трое уже умерли, четверо вышли в отставку. Но подпись Севена стояла под ежегодным продлением, а подпись Нера — под каждой калибровкой.

Рен сохранил перечень в журнал комиссии.

— Центральный сигнал нужно перевести в янтарный режим, — сказал он. — Сейчас.

Севен побледнел сильнее.

— Тогда остановятся двадцать три операции на ближайшие сутки.

— Не остановятся, — сказала Мира. — Они потребуют названного источника и предела.

Мы уже провели одну такую операцию.

— Одну. Не двадцать три.

— Значит, распределим случаи по срочности, привлечём добровольные доли и обычную хирургию там, где перенос не обязателен.

— Люди умрут, пока вы будете заполнять свои новые графы.

Угроза попала точно в старое место. Мира умела принимать решение, когда промедление измерялось кровью. Именно поэтому семь лет назад она могла бы согласиться на одну тайную ночь. На вторую — ради последнего тяжёлого пациента. На сотую — потому что признать прежнюю ошибку стало бы страшнее новой.

Она посмотрела на Ладу.

— Что нужно для журнала реальной цены?

Лада не ждала вопроса, но ответила сразу:

— Имя источника. Отдельное согласие. Верхний предел. Получено пациентом. Потеряно донором. Рассеяно линией. Назначение каждого отвода. Право остановки и имя того, кто остановил.

— Время на заполнение?

— Девяносто секунд до вмешательства. Итог — после стабилизации пациента. Для экстренного бессознательного донора передачу вообще не открывать.

— Для сотрудника на смене? — спросил Нер.

— Смена не согласие.

Мира повернулась к Асте.

— Комиссия может временно утвердить эти поля?

— Может потребовать их как условие сохранения работы до слушания.

— Тогда потребуйте.

Севен шагнул к ней.

— Вы больше не заведуете отделением.

— Но я всё ещё хроноврач. А это доказательство всё ещё существует.

— Вы готовы отвечать за каждого, кому сегодня не хватит времени?

— Я готова отвечать за медицинское решение. Не за ложь, которая делает источник невидимым.

Слова прозвучали твёрже, чем она себя чувствовала. Ответственность не исчезала вместе с зелёным сигналом. Теперь она становилась видимой и потому тяжелее.

Рен перевёл центральный показатель в янтарный режим.

Где-то под ними счётные кольца начали замедляться. На экране одиннадцать лет, четыре месяца и девять дней рассыпались на отдельные цифры. Несколько мгновений они мигали, затем сменились нулём.

По клинике прошёл сигнал ограничения — низкий, непривычный, похожий на далёкий колокол.

На рабочем экране появились двадцать три операции. Семь можно было провести без передачи времени. Четыре требовали малых добровольных долей. Двенадцать нужно было пересмотреть немедленно.

Лада уже распределяла карты между командами.

— Я беру расчёт безопасных альтернатив, — сказала она. — Контуров не касаюсь. Рая не придерётся.

— Придерётся, если ты пропустишь повторную оценку.

— До неё сорок три часа.

— Ты считаешь.

— Теперь — то, что мне принадлежит.

Мира открыла первую карту. Пациенту требовалась операция через два часа. Раньше зелёный резерв скрыл бы вопрос, кто оплатит вмешательство. Теперь пустая графа источника горела янтарным.

Она не чувствовала облегчения. Только страх, злость и странную ясность.

На отдельном листе Аста зафиксировала вывод комиссии: городской резерв фактически исчерпан семь лет назад; последующие показатели отражали принудительно доступное время персонала; скрытый отвод поддерживал ложный статус готовности сети.

— Подписи, — сказала она.

Первой подписала Лада Вир — не как пострадавшая ординаторка, а как соавтор журнала реальной цены. Затем Рен. Потом Мира.

Севен отказался. Нер написал возражение.

Ноль на экране не изменился.

Мира поставила рядом с первой картой чистый бланк и вписала верхнюю строку: «Источник времени имеет право на предел».

За дверью уже собирались врачи, вызванные янтарным сигналом. Им предстояло услышать, что город больше не обещает невидимого спасения. Мира знала, кого обвинят первым.

Она открыла дверь.

Глава 7. Право врача на предел

За дверью оказалось больше людей, чем могла вместить малая переговорная.

Врачи стояли в два ряда вдоль стены, медсёстры заняли подоконники, техники из ночной смены теснились у выключенного питьевого автомата. У каждого на запястье светился янтарный ободок. Пока городской резерв показывал ноль, ни один контур клиники не мог начать передачу без названного источника.

— Кто это сделал? — спросил хирург Омар Вейс.

Вопрос предназначался не комиссии. Он смотрел на Миру.

— Мы перевели сеть в честный режим, — сказала она. — Резерва нет. Семь лет его заменяло время персонала.

Кто-то выругался. Кто-то поднял руку к своим часам, словно янтарный свет мог обжечь кожу. Молодая сестра у окна заплакала беззвучно и сразу вытерла лицо рукавом.

— У меня через сорок минут мальчик с разрывом аорты, — сказал Омар. — Мне честным режимом сосуд зашить?

— Обычная операция даст ему шанс без передачи?

— Двадцать процентов.

— С передачей?

— Семьдесят.

Семьдесят против двадцати — именно такими числами старая система превращала возражение в жестокость.

Мира подняла чистый бланк.

— Назови минимальное время, которое меняет прогноз.

— Восемнадцать минут восстановления.

— Тогда ищем восемнадцать, а не открываем безымянный поток. Каждый донор называет свой предел и может остановиться до подключения.

— Пока мы ищем, он кровит.

— Лада уже пересматривает двадцать три случая. Этот поставлен первым. Подготовку начинайте сейчас. Через десять минут у вас будет решение.

Омар не двинулся.

— А если не будет?

— Тогда решение приму я и подпишу его своим именем.

— Своим временем тоже?

В комнате стало тихо. Мира почувствовала, как Рен повернул голову, но не посмотрела на него.

— Если моя оценка позволит, я смогу предложить долю на тех же условиях, что остальные. Не больше.

Она услышала собственное «не больше» как обещание, которое ещё предстояло выдержать.

Аста Рой прикрепила к двери постановление комиссии. До отдельного слушания клиника могла выполнять хроновмешательства только при заполненном журнале реальной цены. Сотрудник на смене не считался согласившимся. Отказ не мог влиять на должность, обучение, расписание и оплату. Пустая графа источника блокировала контур.

— Это бумага на один день, — сказал Омар.

— Значит, сегодня проживём по ней, — ответила Мира.

Люди разошлись не потому, что поверили ей. Они разошлись, потому что пациенты не могли ждать.

*

Первый журнал открыли в предоперационной номер четыре.

Мальчика звали Тев Ран, ему было четырнадцать. Он лежал под прозрачным колпаком, и на мониторе каждый удар сердца рисовал всё более короткую красную дугу. Рядом стояла его старшая сестра, совершеннолетняя, в рабочей форме трамвайного депо. Она уже сняла защитную перчатку и протягивала запястье к считывателю.

— Берите у меня, — сказала она. — Сколько нужно.

Прежде система приняла бы эти слова за согласие.

Мира села напротив.

— Нужно восемнадцать минут восстановительного запаса. Ваша биологическая потеря будет больше. Предварительный расчёт — от двадцати пяти до сорока минут, но линия может потребовать больше. Назовите предел, за который мы не имеем права выйти.

— Я сказала: сколько нужно.

— Это не предел.

— Он мой брат.

— Именно поэтому сейчас вам трудно назвать число. Я не разрешу машине сделать это вместо вас.

Девушка посмотрела на дверь операционной.

— Час.

— Вы понимаете, что потеря необратима?

— Понимаю.

— И что можете отозвать согласие до подключения?

— Да. Час.

Мира записала: «Неда Ран. Верхний предел — один час биологической потери». Рядом медсестра поставила время и подпись независимого свидетеля.

Расчёт линии показал ожидаемую отдачу: двенадцать минут пациенту при пределе сестры. Не хватало шести.

— Я дам остальное, — сказал Омар.

Он произнёс это раздражённо, будто продолжал спор.

— Твоя последняя оценка? — спросила Мира.

— Полгода назад.

— Значит, сначала экспресс-проверка.

— У нас нет времени.

— Четыре минуты.

— Аорта не знает ваших правил.

— Зато контур знает, что семь лет брал у тебя без спроса.

Омар сорвал халат с плеча, приложил ладонь к диагностической пластине и отвернулся. Проверка длилась три минуты шестнадцать секунд. Его часы показали накопленную потерю: два года и четыре месяца сверх паспортного возраста. Рекомендованный предел на сутки — ноль.

Омар перечитал строку дважды.

— Прибор ошибся.

— Повторим после операции, — сказала Мира. — Сейчас ты не донор.

— Я здоров.

— Ты хирург. Для пациента важнее, чтобы твои руки не дрожали через месяц.

— Не решай за меня.

— Я не решаю за тебя. Оценка закрывает передачу, но не операционную. Это и есть разделение, которого раньше не было.

На несколько секунд в его лице появилось что-то беспомощное. Потом он натянул халат.

— Найдите шесть минут.

Лада принесла планшет добровольцев. Не список доступных тел — четыре отдельные заявки от сотрудников, прошедших оценку и сами указавших пределы. Двое согласились только на пациентов своего отделения. Третья могла отдать не больше трёх минут биологической потери. Четвёртым оказался Рен.

— Нет, — сказала Мира.

— Я прошёл оценку час назад, — ответил он. — Допустимый предел — девять минут. Предлагаю шесть.

— У тебя ожог проводящей руки.

— Он не влияет на общий запас.

— Влияет на риск контакта.

— Поэтому подключение будет через левую.

Он говорил спокойно, и это злило сильнее, чем спор. Мира увидела знакомую привычку: Рен заранее собирал доводы, чтобы оставить другому только согласие.

— Кто подтвердил оценку?

— Рая Вест.

— Кто контролирует предел?

— Техник Сой Лем. Не ты.

Последние два слова он добавил тише. Мира поняла: это не жест доверия к ней, а соблюдение границы. Она не должна одновременно принимать его согласие, лечить пациента и решать, сколько бывший муж может потерять ради её операции.

— Заполняйте, — сказала она.

Неда отдала тридцать семь минут биологического времени. Рен — пять минут сорок секунд. Пациент получил восемнадцать минут восстановления. Линия рассеяла минуту и девять секунд.

Впервые эта лишняя минута не исчезла под словом «погрешность». Сой Лем внёс её в журнал и приложил схему отвода.

Омар вошёл в операционную, когда красная дуга стала тоньше волоса. Через два часа он вышел с кровью на рукаве и сказал Неде:

— Сердце работает само.

Она обняла его, не спросив о процентах.

Мира осталась у журнала. Четыре подписи занимали почти страницу. Старая запись уложилась бы в одну строку: «резерв — восемнадцать минут».

Честность требовала места.

*

К полудню сопротивление стало организованным.

Двенадцать заведующих потребовали отменить пределы до конца чрезвычайной смены. В общей комнате они говорили по очереди, но повторяли одну мысль: врач, выбравший профессию, уже согласился на риск.

— На инфекцию, усталость, ошибку, — сказала Мира. — Не на тайное изъятие лет.

— Тогда закроем хроноблок, — бросила заведующая детской хирургией Тала Сен. — И объясним родителям, что врачи берегут молодость.

У Талы были серебряные волосы и воспалённые суставы пальцев. Мира знала, что она отдавала время чаще многих. Именно поэтому обвинение звучало убедительно: человек, привыкший платить собой, считал предел предательством тех, кого уже спас.

— Сколько вы потеряли? — спросила Мира.

— Не имеет отношения к делу.

— Имеет. Пока мы не знаем цену, мы называем добродетелью то, что удобно администрации.

— Я не нуждаюсь в вашем разрешении на добродетель.

— Верно. Но клиника нуждается в вашем явном согласии.

Тала положила обе ладони на стол.

— Мой предел — без ограничений.

Лада, сидевшая у стены вне контуров, ответила раньше Миры:

— Такой предел невозможно исполнить. Назовите число.

— Девочка, я работала здесь, когда вы учились держать скальпель.

— Поэтому вы можете назвать число точнее меня.

Несколько человек опустили глаза. Лада не повысила голос.

— Я потеряла одиннадцать месяцев, — продолжила она. — Большая часть ушла не пациентам. Если бы меня спросили про одну минуту для конкретного человека, я, возможно, согласилась бы. Но у меня отняли право различать помощь и питание лжи. Без числа система снова смешает их.

Тала посмотрела на её белую ленту.

— И какое число назвали бы вы?

— Сегодня — ноль. Мой врач запретил передачу.

— Удобно создавать правила, когда сама не платишь.

Мира встала.

— Лада заплатила одиннадцатью месяцами. Этого достаточно, чтобы больше ничего не доказывать телом.

— А вы? — спросила Тала. — Каков ваш предел, Мира?

Пришлось открыть результат утренней оценки.

После спасения Наи её запас восстановления был нестабилен. Диагностическая модель разрешала не более двенадцати минут биологической потери в ближайшие сутки. Рая добавила от руки: «Рекомендован полный отказ до повторной проверки».

— Двенадцать минут, — сказала Мира. — И я ещё не решила, соглашусь ли на них.

Комната загудела.

— Значит, вы оставляете себе право решить, — сказала Тала.

— Да. Именно его я требую для каждого.

Не щедрость уравнивала их, а возможность отказа.

Они проголосовали не за новый порядок — комиссия уже ввела его временно. Они решали, будет ли медицинский совет поддерживать правила после чрезвычайных суток. Девять заведующих высказались против, семь — за, трое воздержались.

Тала проголосовала против.

Но когда все поднялись, она подошла к Ладе и продиктовала для добровольного списка: не более двадцати минут биологической потери, только после оценки, только детям, контроль не членом её бригады.

— Это не значит, что я согласна с вами, — сказала она.

— Журналу не нужно согласие с нами, — ответила Лада. — Только точные условия.

*

Третий срочный случай сломал удобную веру, будто предел всегда удастся подобрать.

Шестидесятидвухлетний Ван Орс поступил с разрушением лёгочной ткани после аварии в красильном цехе. Перенос двенадцати минут восстановления позволил бы ему пережить очистку крови. Добровольцы дали суммарный предел, достаточный только для семи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.